

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Золотой архипелаг

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Золотой архипелаг

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Золотой архипелаг / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Среди особо важных уголовных дел, которые расследует старший помощник генерального прокурора Александр Турецкий, оказалось одно довольно рутинное: ночное нападение на известного адвоката, бывшего сотрудника Генпрокуратуры. Убийство коллеги берет под свой контроль Меркулов. Но, выясняя обстоятельства гибели адвоката, Александр Борисович обнаруживает, что следы уводят в Подмоскowie – туда, где начался беспрецедентный криминальный передел земли, столкнувший интересы олигархов и уголовников.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА. ИВАН БОЙЦОВ. ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ	5
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ – КОНСТАНТИН МЕРКУЛОВ. ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ	8
МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА – СЕРГЕЙ ГРИБОВ. ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ	10
ИВАН БОЙЦОВ. НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ	13
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ – ИРИНА ТУРЕЦКАЯ. ЛЮБОВЬ И ПСИХОЛОГИЯ	17
МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА – БОРИС БУТРАКОВ. СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ	19
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. СТАРТ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ	22
ИВАН БОЙЦОВ – РИЧАРД СМИТ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	24
МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА. ВЗГЛЯД В ЮНОСТЬ	28
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ	31
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. ОТКРОВЕНИЕ	33
МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА. СНОВА ВЗГЛЯД В ЮНОСТЬ	35
АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ И СТРАННАЯ ПАРА. ПЕРВОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ	41
АНДРЕЙ АКУЛОВ. ОРИГИНАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СТЕРВ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фридрих Незнанский

Золотой архипелаг

ВМЕСТО ПРОЛОГА. ИВАН БОЙЦОВ. ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

После морозов, которые испытывали Подмоскovie на прочность весь январь и начало февраля, настала не совсем неожиданная, но все же вызывающая удивление оттепель. Казалось, она никогда не настанет, казалось, что земля стронулась со своей орбиты, что весны и лета больше не будет, что глобальное похолодание, новый ледниковый период, становится исторической реальностью, и только по телевизору об этом не сообщают, утаивают – как утаивали от простого народа и раньше тяжелые новости, способные сместить градус общественного настроения в сторону отчаяния и вызвать бунт, анархический взрыв. Однако, гляди ж ты, потеплело! Хотя печку по-прежнему приходится топить каждый день – и продлится эта растопочно-дровяная повинность аж до майских праздников – зато, когда выходишь из избы ранним утром, в непробиваемой тьме, осеняющей начало рабочего деревенского дня, мороз уже не щиплет нос и щеки. Возле фермы пробил себе русло сквозь наст коричневый навозный ручеек, в разлохмаченных, сбросивших снег ветвях деревьев перекрикиваются вороны с сердитой жизнерадостностью... Не радуются только люди. Птице так мало надо: выжила после холодов, склевала случайно найденное зерно – и уже раскричалась, оповещая весь прилегающий мир о своем счастье. Человеку принадлежит гораздо больше, но имущество частенько доставляет ему не положительные эмоции, а сплошную головную боль.

Особенно когда человек внезапно осознал, что сидит на мешке с золотом, который пытаются из-под него выдернуть загибающие руки...

Иван Андреевич Бойцов, председатель колхоза, название которого, «Заветы Ильича», звучало таким анахронизмом, что казалось почти модным – в стиле соц-арт, стоял возле забора, окружающего его двор. Забор как забор, по деревенским меркам, очень приличный: ровный, не покосившийся штакетник, который хозяин ежегодно по весне красил в оранжевый цвет – чтобы побольше солнца во дворе задерживалось. Но сейчас Бойцов рассматривал его с придирчивостью. Выглядит аккуратно, но на случай обороны не пригоден, нет, никак не пригоден... От празднующегося хулигана или буйного алкоголика, может, и защитит, но такие к Бойцову и сами не лезут. Свои, деревенские, уважают председателя. А вот чужие – от них уважения ждать не приходится. Ну как решат атаковать? Штакетник для вооруженной банды с автоматами – преграда на одну минуту. А что делать? Строить средневековые каменные стены, возводить крепостной вал? Может, еще выкопать ров и напустить туда воду? Пока будешь этим заниматься, тебя с семьей вместе разочков эдак с десяток изрешетят. Кроме того, где взять на это средства?

Иван Андреевич нехорошо усмехнулся. Появятся средства – если отдашь то, что просят. Но тогда защита больше не потребуется. И вообще ничего не потребуется. Ступай на все четыре стороны, как голь перекатная. Никому ты не будешь нужен!

На голь перекатную Бойцов никак не походил. А походил он больше всего на капитана корабля, списанного на берег за выслугой лет: длинный и прямой, точно мачта, с покрытым красноватыми жилками, выстуженным и отогретым всеми буйными ветрами худым лицом, исполненным чувства собственного достоинства; в движениях прочен и ухватист, как человек, одним из компонентов профессии которого является ежедневная борьба со стихией. Хотя его паспортный возраст насчитывал всего сорок два года, выглядел Иван Андреевич на все пять-

десять – подобно многим жителям сельской местности, к сожалению. Ибо если свежий воздух и натуральные, лишенные посторонних добавок продукты питания продлевают жизнь, то крестьянский, тяжелый до надрыва, труд и отсутствие своевременной медицинской помощи ее сокращают. И в России, увы, последние факторы перевешивают первые...

Вечерело. Сумерки наполнили мокрые, взлохмаченные, неопрятные. Сквозь мутное небо то и дело проносились тяжелые черные птицы; воскресный вечер выдавал себя пьяными песнями, руганью и звуками мордобоя сразу из двух концов Горок Ленинских. Картинки из крестьянского быта конца ХГХ – начала ХХ века. Глеб Успенский, Максим Горький. Разве что вместо гармошки телевизор – вот и вся примета современности. Иван Андреевич почувствовал себя так, словно на плечи его, покрытые теплой канадской курткой, навалилась тяжесть всей этой дикой, болотистой, подзолистой, проселочной России – какой она была при Мамае, при Петре I, при Сталине. Такой же осталась и при нынешних либеральных правителях, что бы они там ни провозглашали. А еще колхоз называется «Заветы Ильича» – чистый смех! На эту Россию никакие заветы не действовали и не действуют. И ничто не подействует, чем бы ее ни пытались подцепить – новые методы хозяйствования, прогресс, земство, христианство или научный атеизм, революции кровавые и бескровные. Что бы там, наверху, ни происходило, здесь, вплотную прижавшись к земле, русский мужик продолжал пить, драться, материться и, как точно подмечено у Толстого, работать каким-то особым, ему одному известным способом. И, между прочим, работает! И выращивает хлеб на скудных, неплодющих почвах, и растит детей, которые из века в век пополняют фонд самых пронзительных русских поэтов, и живет ведь, живет...

Эту Россию невозможно перевоспитать. Ее можно только убить.

Агроном, любитель классической литературы, образованный и энергичный Иван Андреевич немало повоевал с работниками «Заветов Ильича», из кожи вон лез, стараясь сделать их труд производительнее, а быт чище. Приучился определять, где нужно стоять на своем, а где стоит отступить, проявить гибкость. Иногда необходимость отступить надоедала до такой степени, что с тоской и раздражением думал: «Убил бы!» Но это только так, на словах. На самом деле, когда от него потребовали принять решение, которое не в переносном смысле, не морально, а, надо полагать, физически убьет его односельчан, пусть даже за некоторых из них раньше гроша бы ломаного не дал, – это решение он принять не может.

Они думают, что он не сказал окончательного слова. На самом деле, не сказал – только потому, что все ясно без слов...

Под руку ткнулось что-то лохматое и доверчивое, словно огромный щенок, и Бойцов, оттаивая от льдистых мыслей, погладил вихрастую головушку:

– Ты чего без шапки бегаешь?

– А, теплынь!

– «Теплынь, теплынь»! Откуда ты слова такие старомодные берешь? У бабки Нюры нахватался?

– А ты чего возле забора стоишь? Вот стоишь и стоишь, забор изучаешь, будто не видел никогда!

Первым раздался мальчишеский смех, потом – с запозданием, хриловато, будто после кашля – засмеялся Иван Андреевич. Прохор за словом в карман не полезет, даром что всего лишь второклассник! Почему-то от этого позднего, спустя двадцать лет после свадьбы рожденного ребенка Бойцов получал такое чистое, ничем не омраченное удовольствие, какого не получал от первых двух детей, хотя те, в удовлетворение родительской гордости, вели себя куда серьезнее, и учились на круглые пятерки, и проявляли стремление совершенствоваться, достигнуть высоких целей... Достремились! Анна вышла замуж за москвича, перед которым стыдится своего деревенского происхождения, так что молодых и в гости не дозовешься. Артур пока служит в армии, но уже заявил, что после дембеля намерен поступить в институт и посе-

литься в Москве, в общежитии. И ведь поступит не в родную отцову Тимирязевку, а в иняз, откуда вряд ли вернется, чтобы учить английскому деревенских детишек. Анна, Артур – какие звучные, звонкие имена! А младшего Иван Андреевич назвал по-простецки, забыто – Прохором. С мыслью, что, может, хоть он не улизнет от родителей в город... Как оно дальше повернется, пока неизвестно, но пока что Проша – классический деревенский мальчишка. Некрасов, «Крестьянские дети». В меру деловитый, в меру озорной. Сообразителен, но не торопится выбиваться в отличники, полагая, что в мире много интересного помимо книжной науки. Помогает родителям по хозяйству – правда, стремится помогать только в мужских делах, а вымыть посуду или подмести пол его не допросишься. Придумывает разнообразные игры, иногда небезопасные – тут за ним нужен глаз да глаз. На язык боек... даже чересчур! Но хотя Прошины смешки и шалости навлекали иногда отцовский подзатыльник, все же Иван Андреевич стыдливо себе сознавался, что ужасно любит этого малого... Нет, ну почему – ужасно? Любит нормальной, полноценной родительской любовью. Не за какие-то его достижения, просто – за то, что он есть. Почему-то старших так любить не получалось. Знал бы заранее, им тоже дал бы деревенские, чуточку смешные для современности имена...

Это все шутки, конечно. Дело не в имени. Дело в том, что Ивану Андреевичу уже за сорок перевалило. В этом возрасте перестаешь мечтать о том, что никогда не сбудется, и начинаешь ценить то, что у тебя есть. Дом, жена, дети, здоровье, любимое дело – казалось бы, как просто, а ведь это самое главное. Пока все эти составные части благополучия на месте, им не уделяешь особенного внимания, точно пальцам на руке; а потерять хоть один – куда как тяжело и больно!

Из-за забора, из мутного полувесеннего вечера, из неясного будущего на Ивана Андреевича надвигалось что-то, угрожающее отнять у него самое дорогое. А может быть, отнять и жизнь... Невольно он притянул к себе Прошу, прижал сильнее обычного, будто это маленькое теплое существо, само нуждающееся в родительской заботе и защите, могло его защитить. Мальчик не сопротивлялся, но, почувствовав необычность этого крепкого прикосновения, вопросительно и тревожно поднял голову, ловя в крепко настоянных синих сумерках взгляд отца.

– Так ты мне не сказал, Прохор Иванович, – с нарочитой и нестрашной строгостью, которая между ними была частью повседневной взросло-детской игры, спросил Бойцов, – почему бегаешь зимой без шапки?

– Так я ненадолго. Меня мама послала.

– Куда?

– За тобой. А то ты возле забора стоишь и стоишь... На этот раз Проша не рассмеялся. Серьезность отца передалась ему. Он чувствовал, что происходит что-то, чего взрослые ему объяснить не хотят. Или не могут... Это они так всегда говорят, что не могут, когда не хотят. На самом деле дети все понимают, если с ними говорить по существу, коротко и ясно, без лишних отступлений и иностранных слов.

Как правило, Ивану Андреевичу удавалось доходчиво объяснять сыну в таком стиле самые сложные вещи. Но сейчас он действительно не хотел ничего говорить. Обхватив Прошину холодноватую, чуть влажную ладошку своей широкой взрослой рукой, повел ребенка к дому. И хотя Иван Андреевич был высок, силен и на здоровьишко, тьфу-тьфу, покамест не жаловался, до самого порога его не покидало чувство, что он опирается на маленького Прохора, как слепой на проводника, как хромой на костыль.

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ – КОНСТАНТИН МЕРКУЛОВ. ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

«А Костя Меркулов плоховато выглядит», – отметил Турецкий.

В том, что заместитель генпрокурора России по следствию Константин Дмитриевич Меркулов выглядит не так хорошо, как хотелось бы давнему другу и вечному подчиненному, ничего удивительного не было. Немолод уж Костя, немолод! И линия роста снежно-белых волос отступила назад, увеличив немалый лоб вдвое, и аристократически-стройная фигура ссутулилась, что придало ей оттенок старческого, угнетенного выражения. Александр Борисович поймал себя на том, что даже в те годы, когда оба они были, с высоты нынешнего возраста, сопляками, Константин Дмитриевич представлялся ему безусловно старшим, почти старцем. По опыту, уму, авторитету... Но никогда прежде, даже видя Костю на больничной койке, он не замечал в нем так отчетливо этой уязвимости. Подверженности возрасту, подверженности смерти. Все мы лишь гости на этой земле – сегодня встретились, а завтра можем и не увидеться снова. Захотелось сказать Косте что-то теплое, подыскать самые хорошие слова благодарности тому, кто все эти трудные служебные годы шел рядом с Сашей Турецким, советовал, подсказывал, выручал, находил выход из безвыходных, казалось бы, положений...

Но, как обычно, ситуация была неподходящей для прочувствованных слов. А подходящей она была для того, чтобы говорить о службе. Как всегда, о службе.

– Зачем вызывали, Константин Дмитриевич?

– Задание у меня для тебя, Саша, будет непростое. Займешься земельной сферой Московского региона. Слышал, наверное, как в одной хорошей песне поется: «Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле...»

– Ага, понял. Значит, покупаю телегу, лопату, грабли – что там еще? – коромысло и отправляюсь выполнять задание.

– Ну, коромысло тебе вряд ли пригодится, – поддерживая шутку, улыбнулся Константин Дмитриевич, – а вот лопата для раскапывания темных подробностей понадобится обязательно. А уж грабель, на которые можно наступить, в этой области хватает. Если серьезно, Александр Борисович, тебе поручается сформировать группу для проверки нарушений и преступлений, как я уже сказал, в земельной сфере Московского региона. А затем с помощью этой группы обобщить практику, вынести предложения по упорядочению ситуации в земельной сфере на Коллегию Генпрокуратуры. Не исключено, что Госдума должна внести в Уголовный кодекс особую статью об уголовном наказании за преступления, совершенные в земельной сфере страны...

Пройдясь по своему кабинету, Меркулов вернулся к Турецкому и, наклонясь к нему, вполголоса сообщил:

– Проверка производится по личному указанию первого лица страны.

– Что, неужели до такой степени?

– До такой, Саша, именно до такой. Президент обеспокоен разорением крестьян – это во-первых, а во-вторых, возникновением нового олигархического клана российских латифундистов. Такого в нашей стране никогда не было.

– Понятно, – уже без намека на шуточный тон отозвался Александр Борисович. Потому что теперь ему действительно стала ясна суть предстоящей работы...

Еще года два назад А. Б. Турецкий занимал должность старшего следователя по особо важным делам Генпрокуратуры. Расследовал важные государственные дела по указанию генпрокурора Владимира Михайловича Кудрявцева и его заместителя Константина Дмитриевича Меркулова. В определенный момент Меркулов обратился к генпрокурору с просьбой сделать

опытного «важняка» одним из ближайших его помощников. Как раз в это время в штатном расписании пробилась дырка, освободилась должность с приличным окладом. Должность эта значилась как «старший помощник генпрокурора». Кудрявцев, не видя оснований для отказа, назначил одного из своих помощников, Андрея Савенко, на должность замгенпрокурора по Центральному округу России, а на освободившееся место, вняв просьбе, назначил Александра Борисовича Турецкого.

С этого времени госссоветник юстиции третьего класса Турецкий и стал, что называется, правой рукой Кости Меркулова. И в таковом качестве раздвоился. Время от времени Меркулов поручал своему помощнику расследование особо важных и запутанных дел – это была ситуация, когда Турецкий выступал в старинной и любимой им роли «важняка». Но все же основная функция старпома Турецкого заключалась в повседневной организационной и аналитической работе, проходящей под личным контролем Константина Меркулова.

Вот и в данном случае Александр Борисович Турецкий сообразил, что ему придется выполнять функцию не столько следователя, сколько помощника генерального.

МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА – СЕРГЕЙ ГРИБОВ. ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

«Почему ее прозвали Щучкой?» – размышлял Сергей Геннадьевич Грибов, исполнительный директор фирмы «Подмосковье-агро», задумчиво созерцая свою непосредственную начальницу Маргариту Николаевну Ганичеву. Грибов, любивший литературу и часто имевший дело с литераторами, время от времени задумывался о том, какое прозвище он дал бы этой даме вместо этого, рыбьего, которое, по его мнению, ей не шло... Ну, если рыба, то, должно быть, скорее камбала. Знатных размеров, округлая, несмотря на то что тщательно следит за весом; когда начинает сердиться (а в последнее время с ней это часто случается), рот съезжает на сторону, будто в нервном тике, – чем, спрашивается, не камбала? А если птица, то скорее гусыня: есть что-то такое в ее профиле, будто она постоянно высматривает, как бы получше ущипнуть исподтишка. А вообще-то Маргарита Николаевна соответствует прибалтийско-немецкому типу женщин, которые резко отличаются от белокурых Гретхен, но так же специфичны для указанного региона, как и те: крепкого сложения, аскетично-тонкогубая, с небольшими, но яркими зелеными глазами, с темно-каштановыми, отливающими бронзой волосами. Своеобразный тип, но притягательный – для понимающего человека. В молодости была настоящей красавицей... Да что это ему в голову взбрело насчет молодости, Ганичева и сейчас не старуха; по сравнению с самим Грибовым, считай, девчонка! Однако главенствующее положение в фирме и умение поставить себя здорово ее старят. Ничего не поделаешь, тяжела ты, шапка Мономаха: мужчине на руководящей работе трудно, а женщине еще трудней.

В глубине души Грибов знал, что все эти упражнения на тему прозвища Маргариты Николаевны не более чем мыслительная разминка. Ему было отлично известно, что прозвище Щучка дано Ганичевой не за внешность, а за образ действий. И в этом смысле абсолютно справедливо.

Щука подкарауливает добычу в мутной воде. Щука никогда своего не упустит. Костлявый лязг ее оснащенных острыми зубами челюстей означает смерть для конкурента. Словом, как пели обаятельные бобрята в старом советском мультфильме: «Еще вокруг немало щук, еще вокруг немало щук, а щука – это... щука – это зубы!» С той разницей, что щук, равных Маргарите Николаевне, на самом деле мало. Очень мало. Грибов на детективных историях, как литературных, так и заимствованных из жизни, собаку съел.

Кстати, начальство коснулось именно детективов.

– Сергей Геннадьевич, – жестко заговорила Маргарита Николаевна, отделенная от исполнительного директора массивным начальническим столом, – я вызвала вас, чтобы поставить в известность, что ваша деятельность вызывает нарекания со стороны многих влиятельных лиц.

– Какая «моя деятельность», Маргарита Николаевна? И каких именно лиц? – спокойно осведомился Грибов, разглядывая письменный стол госпожи Ганичевой. Ничего лишнего: никаких женских мелочей, миниатюрных куколок, сувениров или пестро украшенных ручек, а также никакого беспорядка. Аккуратная стопка бумаг в углу. Единственная синяя шариковая ручка. Небольших размеров, очень мощный ноутбук. За что Грибов уважал свою начальницу, так это за умение организовывать пространство.

– Вы, безусловно, в курсе, – придерживая в заглавнике прямой ответ на прямой вопрос, начала издаലെка Маргарита Николаевна, – что наша фирма «Подмосковье-агро» и руководство ряда областей, в том числе Московской области, ведут переговоры с целью уладить возникший конфликт, суть которого... суть которого вам не требуется объяснять.

Грибов охотно, если не иронически, кивнул седовато-полысевшей, вылинявшей, точно лес поздней осенью, длинной головой. Суть ему объяснять не требовалось. В этой сути он сидел по самые уши.

Дело заключалось в том, что цепкая бизнесменша Маргарита Ганичева, не без помощи денег мужа, крупного бизнесмена, руководителя нефтекомпании, превратилась в первую женщину-олигарха в стране, сосредоточившись на сельском хозяйстве. Надо отдать должное ее проницательности и деловой хватке: она нащупала золотую жилу – начала скупать за бесценок очень востребованные подмосковные колхозные и совхозные земли, принадлежавшие прежде пришедшим в упадок сельхозпредприятиям. На месте этих хозяйств фирма «Подмосковье-агро» создает устроенные по западным образцам фермы и угодья. Приобретение пакета акций знаменитого британского производителя сельхозтехники значительно упрочило позиции и фирмы, и самой Маргариты Николаевны.

Однако чиновники ряда областей обвиняли ее компанию в скупке земель по «серым» схемам, а Ганичева, в свою очередь, обвиняла власти областей в том, что они препятствуют ее компании оформить землю в собственность. Конфликт тянулся уныло, с непрерывными взаимными обвинениями и цепью подножек, конца ему не предвиделось... Или нет, похоже, все-таки конец близок. Вот только какой?

– Так-так-так, начинаю понимать. – Сергей Грибов покрутил головой, с затылка напоминающей бело-розовый огурец с ушами. – Чем-то я не угодил драгоценным нашим областным бюрократам. Вот только чем, просветите, пожалуйста! Неужели на посту вице-директора я настолько безнадежен?

– Речь идет не о вашем профессиональном лице. Но вы обязаны знать, что одним из условий, которые выдвигает администрация Московской области, стало увольнение одного из вице-президентов фирмы Сергея Грибова, – Маргарита Николаевна заговорила чужим, казенным голосом, как бы воспроизводя тон того, от кого она услышала эти слова, – который в своем издательстве, в выпускаемом им альманахе много грязи выливает на достойных людей.

Ну так и есть! Ежемесячный альманах «Российский детектив» приносил Сергею Геннадьевичу колоссальное внутреннее удовлетворение. Колоссальных неприятностей пока что не приносил – так, разве что изредка смешные угрозы! – но нетрудно было предвидеть, что рано или поздно посыплются, как из дырявого мешка, и неприятности.

– Мое увлечение не имеет никакого отношения к работе, – быстро сказал Грибов, – и никого не касается.

– Неужели, Сергей Геннадьевич? – Маргарита Ганичева язвительно вздернула бровь, но рот у нее пока не перекашивался, а значит, до настоящего гнева было далеко. – По-моему, касается, и очень многих. Вам не кажется, что пора решить, что вам дороже: работа или увлечение?

– Я так понимаю, Маргарита Николаевна, что даже если я откажусь от своего увлечения, в любом случае лишусь работы?

– Ну, все можно переиграть...

– Нечего тут переигрывать! – Сейчас Грибов мог позволить себе резкую откровенность: он знал, что ее Ганичева предпочитала лицемерию. – Знаете, Маргарита Николаевна, на что указывает этот факт? На то, что администрация связана с людьми, которые боятся моего альманаха. А бояться потому, что запачканы в том или ином преступлении, которое там описано. Они же вас хотят шантажировать! А вы, уцепясь за эту ниточку, попробуйте шантажировать их. Вы, извините, и сами не святая...

– Трудно было бы совмещать святость и бизнес, – не обиделась Ганичева.

– Ну, тут я вам не судья. Э-э-э, то есть... Наоборот, я хочу сказать, что по сравнению с людьми, чьи преступления попадают в мой альманах, вы – ангел с крылышками. Хотите меня уволить? Пожалуйста, воля ваша. Смею надеяться, и без «Подмосковья-агро» под забором не

умру. Но пока я ваш сотрудник, радеющий об интересах фирмы, могу предложить, Маргарита Николаевна, практически ценный совет: раскопайте это дельце. Давайте вместе почитаем мой альманах и подумаем, кто из заинтересованных лиц может чувствовать себя обиженным.

Короче, разберитесь: из чьего мягкого места растут эти чересчур шустрые ноги?

Вот тут следовало остановиться, и Грибов притормозил с наработанными годами сноровкой – в паре сантиметров от опасной черты. Маргарита Николаевна Ганичева любила прямоту, даже выраженную в предельно резкой форме, но терпеть не могла, чтобы ей навязывали решения. Собственно, технически было бы лучше действовать исподволь, затеять долгий разговор, в процессе которого Ганичева пришла бы к тем же самым выводам самостоятельно, однако на долгий разговор не было времени. К тому же Грибов несколько опешил при известии, что успел кому-то из подмосковной администрации столь крепко насолить, и у него не осталось сил на психологические эквивоки. Лучше по-простому: что хотел, то и сказал.

Маргарита Николаевна, очевидно, обдумывала ситуацию. Олигарша, как и Грибов, понимала, что вся загвоздка в соперничающем с ней конкуренте. Его компания всячески вредит предпринимателю-женщине. И эту компанию поддерживает администрация ряда областей Центрального региона. На эту тему Ганичева размышляла, поджав губы. Водилась за ней такая привычка, в результате чего тюбик с помадой являлся для бизнес-леди предметом первой необходимости. Губы мазала постоянно, не глядя в зеркальце, руководствуясь исключительно осязанием, как слепой художник, – одна из немногих в ней бабских черт.

– Что ж, пока вы не уволены, Сергей Геннадьевич, – наконец решила она, – давайте объединим усилия. Вы поднимете все номера своего альманаха, я, со своей стороны, постараюсь разузнать, кого покрывает администрация области. Есть у меня определенные предположения... А уволить вас я всегда успею, – закончила она с благосклонной улыбкой, странной на этих безжизненно-тонких и бледных губах.

ИВАН БОЙЦОВ. НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

Даже человеку, никогда не бывавшему в Горках Ленинских, может быть известно, что здесь жил и умер вождь мирового пролетариата. А кроме посвященного этому событию гигантского, по здешним меркам, мемориального музея к числу местных достопримечательностей относится памятник дважды Герою социалистического труда Ивану Буянову, председателю некогда знаменитого колхоза. Те, кто его помнили, говорили, что Буянов получился совсем как живой – ну, прямо очень достоверный: не упустил скульптор ни продолговатую ямку у него на подбородке, ни крупные мочки ушей, ни выделенные позолотой звездочки на груди... Впрочем, по поводу геройских звезд бывалые люди шутили, что надо их было делать не из золота, а из русского народного дерева липы. Буянов, дескать, злостно приписывал урожаи к плану – потому и прославился! А кроме того, этот очковтиратель известен был как матерый расхититель колхозной собственности... Э, да много чего у нас о покойниках говорится! Хоть и предупреждали древние римляне: «О мертвых либо ничего, либо хорошо», – так ведь есть люди, о которых правду можно сказать безнаказанно только после их смерти.

Вблизи памятника Буянову располагалась контора «Заветов Ильича», куда направлялся Иван Андреевич. Как правило, легкий на подъем председатель в конторе не сидел, за исключением приемных часов, предпочитая выяснять на местах, где что требуется. Вот и сегодня надо было бы хлопотать с подготовкой к весеннему севу... Однако вопросы сельскохозяйственные отступали по сравнению с важностью иных вопросов, которые можно было охарактеризовать как политические. И пусть политика эта касалась одной только крохотной точки на карте России – Горки Ленинских, – от этого ее значение не уменьшалось.

Со своей истинно русской привычкой задумываться на отвлеченные темы, когда это совсем не требуется, Иван Андреевич ухватил за хвост мысль: насколько же родными стали ему односельчане! Каждый – со своей повадкой, со своим характером, со своим норовом. И они, кажется, его полюбили, поверили ему. А ведь он по рождению – не местный, пришлый. Сказать кому, ведь глаза от удивления выпучат – городской! Кому пенять, на чьи прадедушкины крестьянские гены свалить тот упоенный интерес, который питал к земле мальчишка, выросший на Красной Пресне? В другой семье, пожалуй, родители приструнили бы отпрыска, дали ему понять, что он должен получить нормальную профессию, подходящую для продвижения по карьерной лестнице в городе. Однако в семье краснопресненских Бойцовых росло шестеро детей, все – с избытком наделенные силой воли и сизмала приученные к самостоятельности. Поэтому когда Ваня заявил, что хочет стать агрономом, никто не стал ему возражать. Красный диплом в качестве награды за старания подтвердил верность избранного пути. И тем не менее учеба в Тимирязевке не сделала из городского юноши деревенского мужика. Это не удалось высокомудрым преподавателям, публиковавшимся в научных журналах и способным сообщить навскидку любую подробность относительно растений, удобрений и почв. Зато хитрый трюк окрестьянивания москвича с успехом получился у сокурсницы Ивана Лады Вешенцевой – не кандидата и не доктора наук и даже не отличницы. Зато природа с избытком наделила ее мудростью, которую Иван Бойцов постарался перенять у жены позже, когда стал руководителем. А в придачу к мудрости она обладала еще и мягкими умелыми руками, в которых держался весь дом, пышными русыми волосами, голубыми глазами кошачьей округлости, а также дивным, ровным, изящным носиком, который редко встречается в повседневной жизни, зато часто – на плакатах кинозвезд. В общем, в соответствии со своим именем – славянская богиня любви! Иван закономерно сдался ей на четвертом курсе. Он уже знал,

что распределяться будет в Горки Ленинские, туда, откуда родом его удивительная Лада и где проживает вся Ладина родня.

Теперь не только Вешенцевы, а все обитатели Горок Ленинских, считай, Бойцову родня. Как в большой семье, здесь всякое бывает: не всех родственников любишь, не со всеми отношения одинаково приязненные. Однако если доходит дело до того, что родных приходится защищать, – кто же откажется? Чай, не чужие люди...

Увидев, что возле конторы собралось стихийное вече, Бойцов прибавил шаг. В толпу колхозников он врезался, как корабль в разбушевавшиеся волны:

– Здравствуйте, братцы! О чем шумим?

От этих слов зашумели только сильнее, так, что уж ничего разобрать было нельзя. Отчетливо выделялось только: «Иван Андреевич, Иван Андреевич...»

– Ну я, я, сорок два года Иван Андреевич, – махнул рукой председатель. – Кто способен четко и внятно сказать, чего вам надо, пошли со мной.

По толпе из конца в конец прокатилось волнение: она завихрялась, делилась на группы, группы едва не принялись выяснять, кто сильнее, на кулаках, но присутствие председателя их образумило... В конце концов трое – очевидно, выборные от каждой группы, – вывернувшись из столпотворения, поднялись на крыльцо конторы. Двое мужчин и одна женщина.

– Отлично, – одобрил Бойцов, – вот теперь заметно, что в Горках Ленинских проживает сознательный народ... Остальные свободны. Я говорю, свободны. Вам что, родимые, делать нечего?

Спокойный, слегка укоризненный тон председателя подействовал: люди нехотя стали расходиться. Бойцов ничуть не удивился, даже не ощутил удовольствия от того, что колхозники так легко и охотно его послушались. Право приказывать и указывать этим своенравным, порой норовистым людям давал ему авторитет, который председатель завоевывал не один год. И потерять который было проще простого...

В председательском кабинете народные ходоки разместились неуверенно, с кряхтением, потрескивая стульями, подмачивая под себя толстые полы зимней одежды. Как будто бы они уже и не помнили, о чем собрались говорить. Или помнили, но прикидывали, с чего бы лучше начать.

– Ну, что, – протянул им руку помощи Бойцов, – о земле, что ли?

– А что? – с агрессивным задором подхватила единственная среди собравшихся женщина. – И о земле!

Бойцов посмотрел на заговорившую с некоторым унынием. Крупнотелая матрона по имени Кира, носительница знаменитой фамилии Сусанина, когда-то в школе была отличницей. Школьных знаний у нее с тех далеких времен не сохранилось, зато сохранился громкий, четкий, командный голос, которым она когда-то отвечала уроки, претендуя на высшую оценку, в полной уверенности, что всегда и во всем права.

– Надо соглашаться на предложение Ганичевой, – докладывала Кира Сусанина. – Она дает хорошую цену за землю – десять тысяч долларов. Ее брокер – вы его знаете, по домам ходил, такой рыжеватенький, – сказал, на месте нашего колхоза построят передовые фермы. А нас переселят в город, представляете? И с деньгами. – Круглощекая чугунная физиономия Киры, обрамленная выбивающимися из-под теплого платка жесткими колечками химических кудряшек, смягчилась, расцвела трогательной мечтой. – Непременно с деньгами. Хватит, нагорбателись! Хоть в кои-то веки проживем на всем готовом...

Киру перебил Виля Курбанов. Родители, приверженные идеалам коммунизма, образцово-показательно назвали сына Виленом – от «Владимир Ильич Ленин». Высот в жизни этот плюгавенький мужичонка не достиг – да что там, к пятидесяти годам даже отчества не выслужил: Виля да Виля, никто его по-другому, считай, и не окликал. И сам какой-то хлипкий, и походка у него виляющая. Зато как возьмется ораторствовать, особенно чуть-чуть поддав, –

только держись, откуда что берется, гладко шпарит, чистый Ильич с кепкой. Вот и сейчас от Вили винцом пахивало, что предвещало зажигательную речь.

– Ну давайте, давайте, слушайте Сусанину! – заорал он. – Она вас в такие дебри заведет – у-у-у, три дня лесом, два дня полем. Женщины всегда друг за дружку заступаются, потому она и держится за Ганичеву. Продавать колхозную землю надо «Русскому земельному фонду». Знаете, что они с нами сделают, если мы не согласимся? Кто не продаст, тем не жить. Видал я их мордovorотов. Какой смысл поперек идти? Не будет нас, а земля все равно «Русскому земельному фонду» достанется. И денег больше сулит: тридцать тысяч долларов. Я – за фонд! Я – за фонд! – принялся скандировать Вили, точно болельщик на футбольном матче. – Так и запишите!

Третий колхозник сидел безмолвно, по-ямщицки зарыв нос в воротник тулупа, хотя в кабинете было тепло. Он будто бы ждал, что скажет председатель. А председатель высказался не сразу.

– Колхозники вы, колхозники, – с болью сердечной обратился к ним Бойцов, – дорогие вы мои крестьяне... Вы же совершенно не осведомлены о реальной стоимости продаваемой земли. Вы готовы продать свои пай и участки, что называется, «за бутылку». В лучшем случае за десять – двадцать тысяч долларов вы спустите проходимцам-брокерам самые лучшие, лакомые, востребованные земли Подмосковья. Ну сами подумайте в кои-то веки своей головой, существа вы мои непонятливые! Допустим, получите вы, к примеру, свои десять – тридцать тысяч долларов, купите на радостях старенькие машины, мотоциклы, велосипеды. Устроите еще колхозную попойку, так, чтоб месяц не просыхать... А что ж я вас, не знаю, что ли? Что не будете пить, это вы кому другому расскажите, чтобы он посмеялся... Но пьянка не может длиться вечно, на это не надейтесь. В один далеко не прекрасный день вы проспите. И вдруг обнаружите, что остались без собственной земельки. И без средств к существованию. Тут недолго и жизнь земную закончить каким-нибудь глупым способом. Статистика показывает: самоубийств среди крестьян сейчас немало. Да и убийств тоже.

Двое оппонентов – Кира с Вилей – были недовольны его словами. Иван Андреевич имел прекрасную возможность наблюдать, как ожесточаются их лица, как готовы они объединиться, вопреки разногласиям, против председателя.

– Да за кого же это вы нас держите, Иван Андреевич? – злобно спросил Вили. – За дураков? За детей маленьких?

– За честных людей, которых совсем не трудно обмануть разным проходимцам, – припечатал Бойцов. – Они на этом собаку съели. А вы всю жизнь работаете на земле, а о ее стоимости знать не обязаны. Зато я обязан. Реальная стоимость земель нашего колхоза – сто пятьдесят миллионов долларов. И я не с бухты-барахты вам все это говорю: заключения экспертов имеются. Те жалкие десять тысяч на семью, которыми думают от вас откупиться новые олигархи, – это не деньги. Это капли, это слезы. Землю продавать нельзя.

Закончив, Иван Андреевич перевел дыхание. На него смотрели отчужденные, недоверчивые, затуманенные наведенными извне лозунгами глаза.

«И чего я тут надрываюсь? – затопила сознание горькая дума. – Им больше понравилось бы, если бы я принял сторону той или другой фирмы. А я бы мог? Запросто! Большинство руководителей сельхозпредприятия легко входит в сговор с шефами таких мошеннических фирм. Вместе им, жуликами и ворами, легче обработать рядовую публику – крестьянство. Не редкость, когда руководитель сельхозпредприятия пугает мужиков новыми криминальными хозяевами. „Не хотите работать со мной, – утверждает такой хмырь, – вас, мужиков, разорят до нитки вот те, пришлые молодчики! Мои же люди расплатятся с пайщиками по достойной „правильной“ рыночной цене. А совхоз наш (или колхоз) все равно разорен, пойдет с молотка! Так что давайте, дорогие сограждане, делайте так, как я вам говорю! Нужно продать наш кол-

хозный (либо совхозный) фонд фирме такой-то, гражданину такому-то, и выполняйте все мои указания без разговоров!“ Вот как они делают, и народ их за это уважает...»

Здесь мысль останавливалась. Потому что Иван Андреевич Бойцов твердо знал: он не способен совершить поступок, за который перестанет уважать самого себя. Как он будет после этого смотреть в глаза колхозникам, жене Ладе, своим троим детям? А ведь тайное всегда становится явным. Бойцов не собирается прославиться в истории Горок Ленинских на манер своего тезки Буянова – липового героя...

– А ты-то чего молчишь, Николаич? – обратился он к тому, кто все это время не издал ни звука и только тяжело дышал в тулуп. – Ты-то за кого?

Убеленный сединой Платон Николаевич Емельянов, образцовый труженик и непьющий отец восьмерых детей, ворохнулся. Он мужик основательный: руками работает, слова бережет. Зато уж как скажет...

– Я за тебя, Иван Андреевич. Правильно ты все говорил. Вот и я им, дуракам, говорю: нечего разбазаривать добро, которое наши деды-прадеды наживали. Землицу нашу...

– Ну вот, – устало молвил Бойцов, – хоть один за меня.

Платон Николаевич приподнимался со стула, целеустремленно и настойчиво. Лицо его приобретало цвет коммунистического флага.

– Я не один! – по-медвежьи заревел Емельянов. – Нас много! И если некоторые тут земель разбрасываются хотят, пускай зарубят на своем очень длинном носу, что не выйдет. Не выйдет! Не успеют ничего фирмам продать. Раньше мы их... Шею свернем! На худой конец, вилы сгодятся!

– Сядь, Николаич, – приказал Бойцов – сухо, без крика, но как-то так, что Емельянов осел на прежнее место, точно сугроб под лучами жаркого солнца. – Я никак не пойму: вы что, с ума сошли? Поубивать друг друга хотите? Облегчить работу врагам?

Из опыта других хозяйств Бойцов знал: часто так выходит, что при дележе фондов колхозники образуют два лагеря. Один – запродажу земель, второй – за их сохранение. При этом обе стороны довольно жестоко крушат друг друга. В ряде случаев ограничиваются кулачными боями. Но иногда крестьяне берутся и за оружие.

Крестьянских войн Бойцову только не хватало во вверенном ему колхозе!

– Так вот что, – резюмировал он. – Все трое слушайте внимательно и передайте остальным. Столкновения на почве конкурирующих фирм отменяются. И все другие столкновения тоже. Продажи земли не будет. Контрольный пакет документов на колхозную землю находится у меня. И я его никому не отдам, пока я председатель. Хотите – выбирайте вместо меня другого. Жду предложений.

Предложений не последовало. Смущенные, как щенки, которых ткнули носом в продукты их безобразий, но одновременно и обнадеженные, крестьяне гуськом покинули кабинет председателя колхоза. Бойцов остался один. И только теперь он облегченно перевел дыхание.

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ – ИРИНА ТУРЕЦКАЯ. ЛЮБОВЬ И ПСИХОЛОГИЯ

Любое длительное супружество знает периоды упадка и подъема. Это Александр Борисович Турецкий изучил на собственном многолетнем опыте. Бывало, что любвеобильный Саша ударялся в амурные авантюры на стороне, и Ирина Генриховна упрекала его в том, что он холоден с ней; случалось, наоборот, что Ира ни с того ни с сего охладевала к мужу и тогда уматывала от него к родной тетке, в Прибалтику или создавала такую нервную, сыплющую искрами атмосферу, что Саше с дочкой хотелось бежать из дому куда глаза глядят... Все это было Александру Борисовичу не в новинку; все это он пережил и, с гордостью может сказать, ни разу не забрался в те области, где человек менее выдержанный довел бы дело до развода. Просто, вопреки всем приключениям на стороне, он не забывал, что Нинка – его единственная любимая дочь, а Ирина – та единственная любимая женщина, с которой он хотел бы прожить всю жизнь до старости и смерти. Но прежде чем настанет смерть – а куда от нее денешься? – супруги Турецкие отхватят у жизни немало отвязных заботных минут. И так обычно и бывало. После периодов ненастья солнце, всходившее на семейном горизонте, светило так ослепительно, словно в мире перестали существовать неприятные тени. В его теплых лучах любовь с Ириной доставляла Саше особенное удовольствие... Этот фактор в значительной степени способствовал сохранению их брака.

А что сейчас творится с Ириной Генриховной, изученной, казалось мужу, до мельчайших подробностей, сам черт не разберет. Вроде супруги Турецкие не ссорятся, вроде Александр Борисович с изменами давно завязал... И Нинка, успокоенная, что у родителей все в порядке, отбыла на отдых к бабушке в Юрмалу. А вот поди ж ты, Ирина многогранная личность обернулась к Турецкому совершенно новой, неожиданной стороной.

Началось все с этой стервы Надюшки... Да, да, Ирина подруга принадлежала к той категории закадычных подружек, которых недовольные мужья обычно метят наименованием стерв. Вот и эта – безбытная, бесполо одетая в широкие брюки и уродующий фигуру пиджак, вместо прически – три волосины, и те засаленные, пальцы пожелтели от сигарет, голос – громкий, безапелляционный... Своим безапелляционным голосом она провозгласила в один роковой вечер (дамские посиделки происходили на кухне, но Александр Борисович в соседней комнате различал каждое слово):

– А я, представляешь, Ир, записалась на курсы психологии. С Димкой в последнее время трудно стало, ну, ты меня понимаешь, совсем от рук отбился...

Ситуацию в семье Надюшки Александр Борисович представлял и поэтому от всей души, проявляя мужскую солидарность, желал ее несчастному сыну Димке окончательно отбиться от маминых рук. Мало того что Надюшка, руководствуясь своими представлениями о свободе, прогнала в свое время Димкиного отца, мужика смирного и работающего; мало того что со своими командировками и курортными похождениями в поисках «настоящей любви» надолго бросала ребенка дома одного; так она сейчас, когда Димка вырос и приобрел (скорее вопреки, чем благодаря матери) дефицитную, хорошо оплачиваемую специальность, высасывала всю его зарплату, беззастенчиво тратя ее на свои прихоти... на всякие курсы, чтоб им провалиться! Что еще в очередной раз придумала эта баба-яга?

– И ты представляешь, сколько я интересного узнала? Нет, ты не представляешь! Оказывается, у человека уйма побуждений, о которых он ничего не знает. Ну, просто не хочет себе признаваться, потому что считает эти желания запретными. Но все равно они прорываются и, если их не удовлетворить, доводят до невроза. Ну, невроз – это же болезнь современ-

ности! Неврозами страдает больше людей, чем гипертонией. Все мы несостоявшиеся невротики. Или...

– Или – что? – полубормочно спросила Ирина. Примерно так, точнее Турецкий не слышал: в отличие от Надюшки, супруга не любила повышать голос, делала это только на работе, в Гнесинке, и то по необходимости.

– Или – состоявшиеся невротики. Только и всего! Я тебе, Ира, крайне советую ознакомиться с основами психологии. Поверь, это жизненно необходимо. Лично я пришла к выводу, что десятки лет жила, как слепая. Зато теперь для меня открылись новые горизонты...

Ирина Генриховна снова лепетнула что-то, невнятное для Турецкого.

– Нет проблем! На курсы ходить никакой необходимости, знаю, со временем у тебя туго. Нам рекомендовали полезные книги, я кое-что уже купила, охотно поделюсь с тобой. Я знаю, как тебе нелегко с твоими оболтусами-студентами... и с твоим чурбаном... молчу, молчу! Лично я всегда считала, что он тебя не стоит. Как вы умудрились прожить вместе столько лет?

Александр Борисович сдвинул брови и оскалил зубы на манер японской маски, изображающей свирепого духа; благо видеть старшего помощника генпрокурора никто не мог. До чего же их, то бишь стерв, раздражает чужое семейное счастье! Из кожи своей проникотиненной готовы выскочить, чтобы разубедить подруг в том, что они счастливы, а если повезет, то и разрушить чужую семью. Причем мотивируя это, как всегда, наилучшими соображениями...

Надюшка гораздо была обещать и не исполнять обещанное. Однако свое обещание относительно психологической литературы она сдержала. Квартиру Турецких заволокли книги, принесенные Надюшкой и – позднее – купленные самой Ириной, которая не на шутку заразилась Надюшкиным увлечением. То на кухне, то в ванной, то в сумке для продуктов Александр Борисович то и дело наткался то на Берна, то на Карнеги, то на критику Карнеги, то на старину Фрейда, прародителя их всех, то – просто и мило – на учебник психиатрии для медвузов. Нет, только не надо думать, будто Турецкий считал психологию и психиатрию лженауками! Читывал он и «Психологию для криминалистов», и другие занятные книжицы, некоторые из них даже дома держал и, кстати, отметил, что жена добралась и до них... В сущности, самое разумное, что он мог сделать, – это поддерживать разговоры с женой на интересующую ее тему. Кое-что из своей практики он бы ей рассказал, а в ответ наверняка она бы с ним поделилась тем, чего он не знает. И в семье снова воцарился бы мир и покой.

Однако Турецкий избрал другую линию поведения, о которой вскоре пожалел, но инерция оказалась сильнее его. Он демонстративно кривился, натываясь на психолого-психиатрические книги. Когда Ирина начинала ему за ужином демонстрировать свои познания в этой области, он, перебивая ее, спрашивал, что нового в музучилище имени Гнесиных. Ирина дулась, замолкала. Секс помогал восстановить отношения, но лишь до следующей стычки. Кроме того, в рассерженном состоянии Ирина неохотно поддавалась на заигрывания мужа, а это уже никуда не годилось...

«Почему я так поступаю?» – спрашивал себя Александр Борисович. И в который раз отвечал: из-за Надюшки. Для ответа на этот вопрос не надо было иметь кандидатскую степень по психологии. Глупо, но это так. Сами по себе психология с психиатрией его не раздражали, но от Надюшки, он уверен, не могло исходить ничего хорошего.

Но однажды он не выдержал и спросил у Ирины, зачем ей вся эта мутота нужна? Ответ поразил его.

– Глупый, – ответила жена, – чтобы быть ближе к тебе. К твоим заботам.

Такой ответ стоил много. И при чем здесь стерва Надюшка?..

МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА – БОРИС БУТРАКОВ. СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

– Марочка, тебе чего – шампанского? – спросил Бутраков, точно официант склоняясь над ней с наброшенным на руку полотенцем.

– Ну его, это шампанское, Боря, – улыбнулась Маргарита Николаевна, погруженная в пуф современной формы, напоминающий полупустой мешок с сыпучим содержимым. – Лучше красного вина.

– Отлично! Тогда нам обоим.

Бутраков, возглавлявший одну из первых в стране нефтяных компаний, имел возможность водить жену в ресторан каждый день. Но предпочитал устраивать праздники на дому: никого, только ты и я, одни во всей вселенной. Предпочитал, разогнав домработниц, прислуживать за столом, проявляя галантность в отношении любимой женщины. Только готовил изысканные блюда, разумеется, не он, а повар – худощавый представительный мужчина с усиками-щеточкой, который в белом халате и колпаке выглядел хирургом, а в элегантном сером костюме – искусствоведом. Повар стажировался в парижском ресторане «У Максима», репутация которого не требует лишних слов; во всем, что касается эксклюзивной еды, на него можно было положиться. А вот подбор вина повару не доверялся – в роли сомелье Бутраков предпочитал выступать опять-таки сам. Ну и выслушивать пожелания жены, естественно.

Слегка откинув голову, Маргарита вбирала ртом восхитительные капли красного вина, а глазами – Бутракова, который, отложив на край стола полотенце, а вместе с ним – имидж официанта, незаметно очутился на соседнем с ней мешотчатом пуфике. Внешность у Бутракова не сказать чтобы притягательная: прямо скажем, не герой-любовник. Толстый, абсолютно лысый, без единого волоска на голове. Даже глаза какие-то лысые, без бровей, с малозаметными поросычьиими ресницами. Нос – лежащая картофелина, состоящая из трех долек. А тем не менее, судя по интернет-опросам, входит в десятку самых привлекательных мужчин России. Маргарита Николаевна готова предположить, что привлекает в нем этих обездоленных женщин, подавших за него голоса: мечта о настоящем мужике. Большом, хозяйственном, слегка неотесанном – в русском мужике это не порок, – зато надежном. И ласковом. Даже его фамилия соответствует его сути: некрасивая, но крепкая и, тем самым, притягательная... И как ни смешно, они правы. Маргарита Ганичева не думала об этих его качествах, когда она, глава имеющей солидную репутацию фирмы, выходила за него замуж: думалось, для них обоих это будет брак по расчету. Оказалось, все не так просто... И пускай они, по привычке и для удобства, живут большей частью раздельно (бизнес, бизнес, круглосуточные хлопоты, что поделать!), зато их встречи исполнены значения. Бутраков на шестнадцать лет старше ее, однако руки у него молодые. Эти с перетяжками, пухлые, жиром налившиеся в сосиски пальцы умеют так нежно прикасаться к щекам, так требовательно теребить груди, так властно разводить бедра...

Подождем. С этим – подождем. Нынешним вечером он будет ей мужем, и она получит от него все, что способна хотеть женщина от мужчины. Но в данный момент Бутраков для нее – партнер, владеющий некоей информацией, и все, чего она хочет в данный момент – получить информацию.

– Борик, – отстраняясь от щекочущих прикосновений Бутракова, прошептала Маргарита Николаевна, – а ты узнал, что я тебя просила?

– Какая ты корыстная, Марочка, – гигантским котом-баюном промурлыкал Бутраков, пододвигаясь к жене вместе с пуфом.

– Борик, ну ты же сам деловой человек, нам легко друг друга понять...

– Мара, нутыже выпей еще вина. Хорошее ведь, а, винишко? Ты только представь, сколько я коньяка вбухал в областную администрацию, прежде чем они раскололись, кто стоит на твоём пути!

В заплывших жиром глазках Бутракова юлило и искрилось приветливое лукавство. Он скажет, ну конечно, скажет, что за люди ставят палки в колеса «Подмосковью-агро», – куда он денется. Но сначала предпочитает помучить, подразнить. Его всегдашняя манера обращения с женой, как и с конкурентами! И, поддерживая игру, Маргарита Николаевна застонала:

– Бо-орик, какой же ты недобрик! Давай поскорей покончим с этим вопросом и расслабимся.

– А ты сейчас расслабляйся, Марочка. Чего тебе не хватает? Драгоценный муж рядом, вино ароматное, еда превосходная... Положить тебе уточки?

Маргарита Николаевна с энтузиазмом накинулась на шафранно-желтый фрагмент утиного мяса с гарниром из пестрой смеси овощей – кажется, там преобладали баклажаны; одернув себя, принялась есть медленно, тщательно пережевывая, надолго задерживая пищу во рту. Она постоянно ловила себя на этой нехорошей жадности – и мысленно укоряла: это же просто неприлично так набрасываться на еду! Доводы разума не помогали: стоило только Ганичевой, даже не будучи голодной, увидеть перед собой тарелку, полную аппетитного содержимого, она ощущала дикий нутряной позыв опустошить ее целиком и хлебом подлизать донце. Отсюда и проблемы с весом, ничего удивительного.

«Когда у меня это началось?» – допрашивала она себя. – В молодости я ведь ела, как птичка: мама постоянно напоминала, что для того, чтобы хорошо учиться, мозгу нужны калории. Одолеть тарелку супа целиком – это был для меня подвиг... Бизнес – вот в чем загвоздка! Все началось с фирмы – именно тогда я начала есть больше, чем требуется. Бизнес меня сделал жадной. Бизнес меня приговорил к постоянному щелканью челюстями. Бизнес меня научил хватать то, что само в руки идет – а то потом не будет... Бизнес, все бизнес!»

Но, вопреки этому саморазоблачительному диагнозу, Маргарита Николаевна не собиралась расставаться с бизнесом. Без него она, допустим, была бы на пять – десять килограммов худее и, опять-таки допустим, в десять раз счастливее, но такое счастье ее не прельщало. Разве станешь счастливее, расставшись с собой? А «Подмосковье-агро» – это она. Та же самая она, только опредмеченная, овеществленная в документах и сельскохозяйственных угодьях. И – проклинайте ее, зовите Щучкой, хищницей, как угодно – разве ее деятельность, пусть иногда с нарушением нелепых российских законов, не приносит великолепных результатов?

– Понимаешь, Борик, – после двух бокалов вина и утки с пюре из баклажанов Маргарита Николаевна в самом деле расслабилась и стала разговорчивой, – на Подмосковье ведь жалко смотреть. Даже хотя бы когда едешь на машине мимо деревень, – до чего противно, что все вокруг такое серое, заброшенное, сплошные развалюхи, горы мусора, кое-где чахлая зелень... Земля из рук вон плохо используется! Хорошо еще, если процентов на тридцать, а то бывает и меньше. Если за все это взяться по-настоящему, земля перестанет быть убыточной, начнет приносить прибыль. Но только нужно все изменить, понимаешь, всю систему! Вместо колхозов – фермы, техника должна быть принципиально другой... С колхозными алкоголиками это невозможно. Они от рождения потребители. Они привыкли смотреть в рот государству, а чтобы приложить руки к своему обеспечению, – да они скорей помрут! Нет, надо все ставить на новые рельсы...

– Мара, ты у меня умная, как Эйнштейн и Збигнев Бжезинский, вместе взятые, – посмеивался Бутраков. Его масляные, румяные, лоснящиеся от жирной пищи губы потянулись к губам Маргариты Николаевны, но та успела отпрянуть. Ей очень хотелось отпрянуть грациозно, но не удалось, и она едва не рухнула с пуфика, отсутствие спинки у которого начинало ей здорово досажать.

– Борик, нет! Рано, шалунчик. Сначала ты мне скажешь, что за такой-сякой обработал областных бюрократов, которые теперь ворожат ему, а не мне.

Шумно вздыхая, словно поддался давлению превосходящих сил (снова наигрыш), Бутраков отправился за своим портфелем, таким же полным и глянцеви́тым, как он сам. Долго копался, извлекая оттуда одну бумагу за другой. В это время Маргарита Николаевна, облокотясь на стол, без стеснения воздавала должное искусству кудесника из парижского «Максима». Ее желание исполнялось, и она подкрепляла миг душевного торжества телесным удовольствием.

– Вот, Марочка, твой Борик раздобыл тебе письмецо. Почитай, гусенька, комментарии излишни.

Зеленые глаза Маргариты Николаевны дотошно забегали по строчкам. Быстрее, быстрее, еще быстрее... в преддверии неизбежного имени... Стоп! Ганичева передернулась, словно наступила на колючку босой ногой в ночной темноте. Что-то неожиданное подкарауливало ее в этой бумаге – более того: что-то, чего она никак не могла ожидать. Выражение лица у нее стало, словно у ребенка, которого зло и незаслуженно обидели... Видно, что первым ее порывом было отбросить бумагу, может быть, разорвать. Но она продолжила чтение, пересиливая себя.

– Спасибо, Борик, – отложив документ, произнесла Ганичева так, словно бумага принесла ей не боль, а удовольствие. – Я всегда знала, что ты единственный человек, на которого я могу положиться.

Бутраков, без ложных сомнений, кивнул. Он тоже так считал. Он считал себя одним из немногих в мире людей, на которых можно положиться.

– Дочитала, Марочка? Ну и ладно, не думай больше об этом. Люди приходят и люди уходят, как говорится... Вставай: на этих мешках сидеть – спина устает. Перейдем-ка лучше в постельку...

Деловые отношения: секс в обмен на информацию. Снова бизнес. Всюду бизнес. На этот раз, по крайней мере, медово-сладкий бизнес...

Маргарите Николаевне секс с мужем доставлял удовольствие. Как правило. Но не сегодня. Мелькнувшего во время ужина полового возбуждения как не бывало, давление объемистого бутраковского живота на ее переполненный желудок вызывал дурноту, казалось, ее вот-вот стошнит. А нужно было еще, терпя тяжелую бегемотовью возню мужа, истомно стонать, вскрикивать, притворяться: не получив ожидаемой реакции со стороны своей Марочки, муж мог после спросить, в чем дело. А Маргарита Николаевна не имела права сейчас говорить, в чем дело. Ни кому-либо другому, ни – тем более – ему. Потом, рано или поздно, возможно, возникнет такая ситуация, что придется сказать. Но сейчас вокруг имени, названного в переданном письме, и вокруг жизненной эпохи, которую символизировало для нее это имя, простиралась стеклянная зона молчания.

Это молчание слегка надтреснулось на следующий день с утра, когда Маргарита Николаевна снова вызвала к себе Грибова. Сергей Геннадьевич выглядел невыспавшимся, зато пылал энтузиазмом:

– Маргарита Николаевна, дело в шляпе! Я провел солидную работу, поднял старые номера альманаха, переговорил с журналистами, на какие темы мы собираемся представлять информацию в ближайших номерах, и выяснил, что, скорее всего...

– Не нужно, Сергей Геннадьевич, – устало махнула рукой в его сторону Ганичева. Обычно начальницу «Подмосковья-агро» ночи любви наделяли возвратом молодой красоты, но сегодня она выглядела хуже обычного: серая какая-то, будто ее из пыли вытащили. – Мне все известно. Это Андрей Акулов, глава «Русского земельного фонда».

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. СТАРТ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ

Итак, работа Генпрокуратуры на земле началась! Внешне она ничем не напоминала не к ночи будь помянутую обязательку советских времен, когда квалифицированных специалистов посылали на уборку урожая, но по уровню мороки ее, пожалуй, перевешивала. Константин Меркулов организовал прокурорскую бригаду под руководством Александра Борисовича Турецкого. В нее вошли прокуроры и следователи различных подразделений Генеральной прокуратуры. Всего в группе Турецкого оказалось восемь сотрудников. В каждой из областных прокуратур к нему присоединилось по два сотрудника, прокуроры отделов. Каждому из участников группы Турецкий определил круг вопросов, подлежащих проверке и выяснению.

Сразу следовало определить для себя основное в этой прокурорской проверке: Турецкий и его команда вовсе не собирались расследовать конкретные уголовные дела и факты нарушения законодательства в земельной сфере. Этим занимаются прокурорские и следственные органы по территориальности, то есть облпрокуратуры региона. Люди Турецкого приезжали в областные прокуратуры Центрального региона и там просматривали, анализировали дела и материалы, уже собранные и процессуально оформленные сотрудниками областных прокуратур. Заглядывали они и в суды, муниципальные и арбитражные, где рассматривались дела о выявленных нарушениях земельного законодательства.

В этой работе были задействованы различные подразделения и управления облпрокуратур. Земельной проблемой занимались следственные управления, управления по надзору за выполнением законодательства (ранее это были общие отделы), управления по надзору за гражданскими делами в судах и другие подразделения системы прокуратуры.

Следовательно, именно работу областных прокуратур региона и обязана была прошерстить группа Александра Турецкого.

– Прежде всего, – объяснял Турецкий, расхаживая взад-вперед перед своими сотрудниками, – от вас требуется собрать и проанализировать сведения, касающиеся обанкротившихся сельхозпредприятий. Также следует собрать цифры и факты нарушений, допущенных при предоставлении земельных участков покупателям. Непременно нужно узнать, какие фирмы больше других скупают и захватывают земли в этом регионе...

Сотрудники слушали его внимательно, кое-кто даже чиркал в блокноте карандашом или с сумасшедшей скоростью стучал по экранчику карманного компьютера стилусом. Как обычно, сплоченная команда состояла из Поремского, Курбатова и Елагина, а также прокуроров разных управлений и подразделений Генпрокуратуры России. Многие из них ранее были незнакомы между собой, но теперь выражали полную готовность действовать в одной связке. И успешно действовать...

– Надо поинтересоваться также и выявленными уголовными преступлениями, связанными с этой проблемой, – завершил совещание Александр Борисович таким оптимистическим тоном, словно проблема уже была решена. – Одним словом, как сказал товарищ Мао, наш путь тернист, но перспективы светлые.

Светлых перспектив относительно сельскохозяйственного будущего Центрального региона подчиненные Турецкого не увидели. А вот о терниях докладывали основательно и со вкусом. Параллельно друг с другом делились полученными фактами, строили систему, делали выводы...

В общем, с точки зрения Александра Борисовича, картинка выглядела так: есть три стороны, принимающие участие в событиях по продаже земель. Низовая проблема – это крестьяне, которые продают свои земельные паи почем зря, за ничтожную цену или просто за

то, чтобы от них отвязались и перестали шантажировать. В скором времени после продажи такие обезземеленные крестьяне пополняют растущую армию бомжей или кончают с собой. Это какая, извините, убыль работоспособного населения! Из курса школьной истории, преподававшейся в его время неплохо, Саша Турецкий помнил, что Англия давным-давно пережила похожую трагедию, названную «огораживание», – когда земли всеми правдами и неправдами отбирались у земледельцев и передавались под овечьи пастбища. Об этом еще говорили, что «овцы съели людей»... Но до того, что творится в современной России, средневековой Англии далеко.

Вторая сторона – районное чиновничество, в особенности низовая бюрократия. Чтобы купить землю, фирмам необходимо заинтересовать местное районное чиновничество: администрацию, пожарную, земельную службу и прочее. Для оформления права собственности на землю требуется оформить (подумать только!) 80 документов! А это значит, что каждому из должностных лиц нужно дать положенную мзду. Уже существуют тарифы и расценки, ниже которых опускаться никак нельзя – «вас не поймут». Таким образом, 20 процентов инвестиций земельных фирм уходит на взятки бюрократам при официальном оформлении сделки. Сумма тоже немалая...

Третья сторона – это «Павлы Ивановичи Чичиковы», то есть современные оптовые покупатели. Как и герой поэмы «Мертвые души» Чичиков, они покупают «мертвятину». Только не людей, не «мертвые души» – этот промысел устарел. Они покупают земли, «мертвые земли» – вот что сейчас выгодно!

– Ну и жулики! – только и успевал удивляться Александр Турецкий. Изучив и проанализировав собранные факты и дела, которые все прибывали и прибывали с каждым днем, он пришел к неутешительному выводу: в Центральном регионе заниматься бизнесом опасно для жизни!

И он был прав. Пока Александр Турецкий и его команда, зарывшись в документах, анализировали «опасные для жизни события», эти события происходили рядом с ними. В Подмосковье.

ИВАН БОЙЦОВ – РИЧАРД СМИТ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Со взведенными нервами и мозгами, пребывающими в полном раздрае, Иван Андреевич Бойцов отправился поговорить с человеком, которого имущественные распри на территории Горок Ленинских покамест не коснулись. Членом колхоза он никогда не был, а был с самого начала свободным фермером на своем участке русской земли... Последнее звучало почти иронично, потому что человек этот был англичанином. Недовольный малостью своих наследственных территорий в Англии, он переехал в Россию, где за символическую цену – в конце восьмидесятых сельским хозяйством никто из русских заниматься не хотел – приобрел землю. А список окрестных фамилий со славянскими и татарскими корнями пополнился одной чужеродной, но простой и привычной: Смит. В переводе она означает «Кузнецов», а что касается распространенности, то Смитов в англоязычном мире, как у нас Ивановых. Ничего особенного.

Если от фамилии перейти к именам, то жену фермера Смита, Кейт, все вполне естественно звали Катей, тем более что она – статная, полногрудая, с недлинной, но толстой, небрежно заплетенной пшеничной косой – походила на русскую больше, чем отдельные коренные жительницы Горок Ленинских, у которых среди предков затесались воины Батыя. А вот относительно самого фермера с прискорбием приходится признать, что имя его – Ричард, в православных святцах отсутствующее, не прижилось на отечественных подзолистых почвах. Как его ни сокращай: и Рик, и Дик, и Рич – не идет, хоть ты тресни! Фермера Смита уважительно звали по отчеству: Джонович. Или, в просторечии, Джоныч. Дети Смитов носили международные имена Николай, Мария и София, по-русски говорили не хуже, чем по-английски, и с виду ничем не выделялись среди деревенских сверстников.

Внешне Джоныч выглядел неказисто: небольшого роста, щуплый, веснушчатый, светлая борода, кудрявые волосы свисают ниже ушей, – не то сказочный мужичок-с-ноготок, не то заблудившийся хиппи. Знаток русской литературы, Бойцов предвидел, что в старости Джоныч станет похож на шолоховского деда Щукаря. С тем отличием, что Щукарь в «Поднятой целине» – деревенский люмпен, загубивший все свои хозяйственные начинания, а Джоныч, наоборот, хозяин, каких поискать. Участок, находящийся в ведении работающей семьи Смитов, опровергал все представления о том, что подмосковные почвы не способны приносить обильные сельскохозяйственные плоды. Конечно, если обрабатывать их по науке! На деньги, выручаемые ежегодно от продаж урожая, Джоныч и удобрения закупал, и сельхозтехнику обновлял, и специальные журналы выписывал, которыми, кстати, с Бойцовым делился. А кроме того, собирався в будущем году в придачу к курам и свиньям завести страусов, только сначала посоветоваться с теми отважными русскими, которые уже адаптировали к здешнему суровому климату эту роскошную мясную птицу.

Будь на месте Джоныча свой, природный русак, ему бы уже тысячу раз пустили красного петуха в дом, подсыпали толченого стекла в машинное масло, потравили бы скотиной всходы или еще какую-нибудь гадость придумали, чтоб не богател рядом с беднотой, буржуин. Джоныча охраняла его чужеродность и в придачу к ней то усердие, с которым он старался адаптироваться на новой почве.

Бойцовы и Смиты дружили семьями, часто навещались друг к другу в гости. Из этого общения Артур Бойцов вынес то знание повседневного английского, которым он намерен был после армии потрясти инязовских экзаменаторов. А вот с Иваном Андреевичем Бойцовым у Джоныча завязывались типично нашенские диалоги под рюмку водочки – о Западе и Востоке, о различиях между цивилизациями, о судьбе России. По-русски Джоныч изъяснялся бойко, владея всем спектром нужных слов и выражений, от агрономических терминов до матерной

брани. Вот только с родом имен существительных частенько путался. Ну, невдомек было рациональному английскому уму, с какой стати неодушевленные предметы и абстрактные понятия должны делиться на самцов и самок! В особенное недоумение его приводило слово «отчизна», которое, вопреки прямому смыслу, указывающему на мужское качество, отчего-то имеет женский род. Впрочем, это как раз соответствует действительности: наша отчизна – такой необъяснимый предмет, в котором сам черт ногу сломит.

– Ваш национальная своеобразие очень сильно преувеличен, – толковывал Джоныч другу. – Все нация имеет своя своеобразие. Английская, итальянская, это... джамен, немецкая. В Англия – шотландские, ирландские, все это очень разное. Но когда человек математик, она знает, что одна формула – тот же самая формула для Шотландия, для Ирландия, для Япония, для Зимбабве. Вот это, Иван, ведение хозяйства – одна и то же формула для Англия и для Россия. С поправки, с коэффициент, но формула одна. Надо знать общее формула и уметь по нему считать. Правильно считать – деньги есть, неправильно – денег нет. Как ты думаешь, Иван?

– Джоныч, при всем хорошем моем к тебе отношении, ты не прав, – возражал Бойцов. – Формула может быть одна, а вот условия, в которых ее применяют, совсем разные, и получается у нас не правильное значение, а кукиш с маслом. Вот, например, формула воды везде «аш два о», и в России, и в Австралии. А тем не менее у нас вода, всасываясь в трубу, движется по часовой стрелке, а в Австралии – против часовой. Кто там побывал, рассказывали, сами видели. Как ты это из формулы выведешь?

– Слабое пример, – не соглашался Джоныч. – Один формула – химия, другой – физика. Физика определять вращение воды, не химия. Надо взять правильное. Надо правильное считать и получить не кукиш с маслом, а деньги. Русские отвыкали считать по правильный формула, потому что при Советских Союзах один формула было для вся: не социология, не психология, не экономика, а один формула – политика. Политика приказывал – экономика говорило: «Готов!» А ничего не был готов. И считать по другие формула оту... отучивали, потому что все был политика и для всего. Но русские снова научится считать. И быстро. Я верю.

В финале их споров каждый оставался при своем мнении, что подкреплялось опорой на собственный опыт: Смиты примером доказывали, что формулы экономики и сельского хозяйства отлично действуют и в России, а Иван Андреевич, устало разводя руками после очередного столкновения с загадочной русской душой, приходил к выводу, что эту душу не изъяснить никакими формулами. Скорее, это она любую ценную формулу затопчет в родимую проселочную грязь и не заметит, потому что будет в это время глядеть в небо с детски-святой придурковатостью.

Сегодня дискуссия в стиле «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти» отменялась. Хотя Джоныч, тащивший свиньям ведро съестных отбросов, не прочь был ее возобновить:

– А, Иван! А я тут думал-думал крепко и надумал, что Иван Ужасный было первая на Руси политик среди экономика...

«Иваном Ужасным» он, в буквальном переводе с английского («Ivan the Terrible»), продолжал называть Ивана Грозного.

– Не время, Джоныч, – хмуро перебил его Бойцов. – Тут у нас скоро такие ужасы пойдут, что будет нам всем не до истории с географией.

– Какой ужасы, Иван?

– Вот об этом нам и надо потолковать. Только подальше от Кати и твоих ребятишек. Не будем их пугать раньше времени.

Тут же, возле свиней, которые, тотчас зарывшись по уши в отбросы, издавали удовлетворенное «хро, хро», Бойцов обрисовал ситуацию, какой он ее видел. Пару раз Джоныч порывался что-то спросить или дополнить, но мужественно наступал на горло собственной песне. Полминутная тишина после того, как Бойцов закончил, подчеркнула серьезность сказанного.

– Я слышал, что богатые покупает земля, – тщательно подбирая слова, сказал Джоныч, – но не знал, что так плохо и нечестно все. Ведь есть закон...

– Нашим богатеям закон не писан. Кто мы для них? Вот такие же свиньи. С той разницей, что они нас не кормят, только режут.

Бойцов, просунув ногу сквозь загородку, почесал носком сапога пятнистый бок ближайшей свиноматки. Та испустила звук утробного блаженства. Да-а, зная, что тебя скоро поведают на убой, начинаешь как-то сочувственно относиться к этим примитивным существам... Кстати, не таким уж примитивным: Проша в популярном журнале вычитал, что по интеллекту свинья стоит лишь одной ступенью ниже обезьяны. При этом крайне редко человек видит в свинье интеллект, чаще – сало... Так что не слишком обольщайся насчет своего ума, Иван Андреевич.

– Иван, надо обращаться в полиция. Я знаю наша полицейский...

– Это Егорыч? Старлей Гаманюк, что ли? Я «эта наша полицейский» знаю подольше тебя. И я к нему уже обращался. И что же, по-твоему, эта наша сволочь полицейский мне сказала? Что у нее – фу, черт, у него – дети, а потому он просит по таким вопросам его не беспокоить. И к его начальству идти не советовал: говорит, у Акулова все куплены.

– Едид его мазер! – не без русской лихости присвистнул Джоныч. – Но, Иван, я не верю. Полицейский не должен корруп... коррумпироваться. Если полицейский поймается в коррупция, он лишится зарплата, по увольнении он лишится пенсия – он останется голый-босый!

– Это у вас, за рубежом, так. У вашего полицейского зарплата и пенсия такие, что их в самом деле страшно потерять. А наш милиционер – он уже и есть голый-босый. Поэтому терять ему нечего, кроме своих цепей, и он продается при первой же возможности. И так на всех уровнях, сверху донизу.

Англичанин подавленно замолчал.

– Я не затем пришел, Джоныч, чтоб на тебя тоску нагонять. Я предупредить пришел. Если один из этих хищников подгребет под себя колхозные земли, следующий на очереди – ты. Не бойся, но пойми, с кем имеешь дело. Они тебя вынудят продать ферму по заниженной цене...

– Не вынудят, – твердо ответил Джоныч, сжимая рукоятку вил так, словно из нее можно было выстрелить в невидимых вымогателей.

– Ну, может, ты и прав: меня же вот пока не вынудили. Но будь осторожен. Поставь себе на участке охранную сигнализацию, что ли, чтобы завывала в случае чего. Не думаю, что их это напугает, но хоть тебя предупредит. Дети опять-таки... Я понимаю, за детьми не уследишь, мой Прохор тоже озорник – оторви да брось... Но ты постарайся им внушить, чтобы особенно по окрестностям не шатались: только в школу и домой. Может, тут скоро местная война начнется: крестьяне мои тоже не собираются за здорово живешь свои земли отдавать.

– Если начнется, Иван, предупреждай мне. Я буду вместе.

«Почему бы и нет?» – подумал Бойцов. Тощий Джоныч силачом не выглядел и снайперски стрелять, насколько известно, тоже не умел, однако в нем чувствовалось спокойное достоинство человека, уверенного в своем праве отстаивать землю, которая принадлежит ему, на которой он живет и трудится. В колхозниках «Заветов Ильича» это достоинство отсутствовало. Объединившись, они представляли бы собой силу, способную противостоять бандитам, но, разрозненные, были слезливы, суетливы, больше злились не на пришлых захватчиков, а на соседей, с которыми постоянно сводили какие-то застарелые счета, и завершалось все тем, что, дескать, мы все равно ничего поделать не сможем, нас не спросят, все уже решили без нас... А какими им быть, скажите на милость, если они привыкли, что все действительно решается без них? Если территорию такого гигантского государства, как Советский Союз, разрезали вкривь и вкось, раскромсали по живому, не спрашивая разрешения у населявших его людей, то станут ли церемониться с их крошечными участками?

Так мысленно оправдывал односельчан Бойцов – в то же время сознавая, что он не подвержен этой всеобщей пассивности. Даже идя ко дну, он будет барахтаться, пытаясь выплыть. Джоныч тоже такой. И старший сын Бойцова – жаль, что Артурку не отпустят сейчас из армии хотя бы на побывку, вот кто пригодился бы! Может быть, если дело дойдет до открытого противостояния, им удастся воспламенить народ собственным примером? Это был бы прецедент: обычные люди способны показать бандитам, где раки зимуют!

Согласившись на предложение помощи, Иван Андреевич заспешил домой. С ним громко поздоровался Коля Смит – мальчик, на четыре года старше Проши, такой же светловолосый, как родители. «Здорово, Николаище!» – шутливо откликнулся Бойцов, испытав мгновенный укол вины перед этим симпатичным и очень юным англичанином, не знавшим Англии.

Для детей Смитов родиной-матерью была Россия: неужели она обернется для них родной-мачехой?

Впрочем, не всегда ли мы чувствуем себя виноватыми перед детьми, вглядываясь в состояние мира, который мы оставляем им в наследство?

МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА. ВЗГЛЯД В ЮНОСТЬ

Почему люди, которых мы вычеркнули из своей жизни, не исчезают бесследно? Почему они при этом не исчезают в целом из бытия? Почему мы не гарантированы оттого, что человек, которого мы считали далеким прошлым, вдруг снова становится нам поперек пути? Все эти вопросы полусознательно вращались в голове Маргариты Николаевны Ганичевой, и ни на один она не находила ответа. От человека, который сейчас всячески ей мешал, она один раз уже попыталась избавиться.

Все началось с вечеринки в гостях, куда ее, выпускницу МГУ, пригласил недавний староста группы. Как его звали? Ну вот, уже не помнит: Сева или Сема? В круглых очочках, старательный, нескладный, Сева или Сема принадлежал к тому типу мужчин, на которых не обращают внимания девушки, но с которыми оказываются счастливы женщины, если каким-то невероятным образом соглашаются поддаться на предложение руки и сердца... Вот и в отношении Риты Ганичевой, умницы и хохотушки, у старосты были серьезные матримониальные намерения: все ходил по пятам за нею, все нудил – и наконец добился своего: Рита согласилась пойти в его компании в гости, где должны быть общие знакомые. Там брачные планы Севы или Семы разбились в прах, и он, должно быть, сто раз пожалел о том, что повел предмет своих мечтаний не в кино и не в театр. В театре или кинозале, по крайней мере, темно, а здесь лампы горели достаточно ярко, освещая черноволосого красавца, похожего на Риту... Нет, не буквально похожего – Рита брюнеткой не была – но они подходили друг другу так, как только могут подходить юноша и девушка. Даже разница в росте у них была идеальной: черноволосый был выше настолько, чтобы бережно обнимать партнершу, прижимать ее к своей широкой груди. Это немедленно выявилось в танцах. Первый танец был из вежливости отдан старосте, к которому Рите приходилось наклоняться и который немилосердно наступал ей на ноги. Зато все последующие – ему, ему... Если бы проводился танцевальный конкурс, они завоевали бы первое место как лучшая пара – с такой латиноамериканской страстностью исполняли они произвольные па!

«Подо что же такое мы танцевали? – со слезами, которым ни за что нельзя прорваться наружу, допытывалась у своей памяти Маргарита Николаевна. – Под главный хит группы „Eurore“, оставшийся, кажется, у них единственным. Потом еще как будто бы „Depeche Mode“, „I want you now“. А кроме того, всякая чепуховина наподобие „You are in the army now“, и даже „Любэ“ – „Атас, эх, веселей, рабочий класс“... Разве не безразлично нам было, под какую музыку соприкасаться крепкими, упругими, здоровыми телами, жаждущими удовольствий и любви? Молодые были, непритязательные, закончилась горбачевская оттепель, открывались новые капиталистические горизонты... Между прочим, „Атас“ Андрею больше всего понравился – я тогда даже не поняла почему».

Его звали Андреем. В тот вечер его звали только Андреем. Это потом, меньше недели спустя, Рита будет звать его и Андрейкой, и Андрюней, и Дрюнечкой, и даже Дри-Дри, – а его это именотворчество будет смягчать или раздражать, в зависимости от настроения... В тот вечер она успела только услышать, что Андрей – подзабытый и не слишком близкий знакомый хозяина дома: ходил с ним в одну школу, или играл в детстве в одной песочнице, или занимался авиамоделированием в одном кружке при Доме пионеров, или, может, сестра хозяина дома дружила с сестрой Андрея, что-то вроде того. Довольно-таки хлипкая характеристика, но с Риты в тот момент и такой хватало. Не просить же его паспорт показать? С какой стати, когда вот он, лучший паспорт – его лицо с темно-темно-кариыми, почти черными глазами, его слабо вьющиеся волосы, запах его разгоряченного пота, в котором угадывается что-то такое интимное, почти свое – то, что чувствуешь, когда утром, потягиваясь, зарываешься носом в свою подмышку... Мужчина выбирает женщину и женщина – мужчину по запаху пота. Тогда

Маргарита Ганичева еще не читала этой психологической лабуды из популярных женских журнальчиков, а если бы и читала, не подумала бы применить ее в данном конкретном случае. Сексуальных партнеров подбирают по запаху пота – может быть, это верно, но при чем здесь секс, когда ее настигла любовь?

«Помни, что ты – девочка из хорошей семьи», – наставляли Риту мама и папа. Папа умер, когда она училась на третьем курсе, после чего мама усилила контроль. Девочка из хорошей семьи, без сомнения, предпочла бы Севу-Сему, который униженно скрылся в толпе, и Рита по сей день не знает, как он пережил то, что считал с ее стороны предательством, – возможно, в первый раз напился. Но дело в том, что, когда Ритины зеленые глаза встретились с почти черными глазами Андрея, всякое представление о том, что она – девочка из хорошей семьи, тут же испарилось. Пусть она не будет хорошей, пусть она будет плохой девчонкой, но она хочет быть с ним. И будет.

Нет, не в первый же вечер – зачем так плохо думать о моральном облике собравшейся компании? Пусть она была достаточно разношерстной, в программу вечера не входил группен-секс. Вернувшись домой в три часа ночи и не обращая внимания на нудный зуд материнских упреков, Рита рухнула спать, даже не сняв косметику с утомленного личика. Наутро, когда она валялась в постели, черноволосый красавчик Андрей представлялся уже кем-то из области снов. Но они обменялись телефонами! В одной ажурной ночнушке Рита бросилась перетряхивать сумочку ради клочка бумаги с записанным номером – неужели потеряла? Клочок с криво начертанной цифрой и сокращением «Андр.» (по-гречески «мужской», «мужественный», отметила эрудированная Рита) выпал из кошелька, открывая череду сомнений: звонить первой или не звонить? Когда позиция «звонить» перевесила, оказалось, что по указанному номеру никто не берет трубку, и Рита принялась казнить себя за то, что слишком долго медлила.

Мама с ужасом наблюдала за дочерью, которая целый день (было воскресенье), нечесанная, едва накинув поверх ночной рубашки летний ситцевый халат, отиралась возле телефона: то ожидала звонка, то, как сумасшедшая, срывала трубку и накручивала диск (тогда все телефоны были дисковыми), скребя о пластмассу ногтями, не заботясь о том, что срывает с них лак. Дочь ее пугала: такая была разумная, что с ней стряслось? Риточка всегда была отличницей, выучилась на блестящего экономиста, благодаря связям покойного отца намеревалась в ближайшем времени завести собственное дело – и, казалось, это поглощало Риту целиком. Парни, танцы и прочие житейские радости, на которые были так падки ее сокурсницы, в ее глазах выглядели чем-то низменным, мелочным, какой-то мышинной возней. Вот и сейчас, видя страдания дочери возле безмолвствующего телефона, мать надеялась, что этот временный девический гормональный сдвиг обойдется без последствий.

Не обошлось... Когда Рите наконец удалось дозвониться до Андрея (фамилия у него оказалась редкая и приметная, Акулов, как у популярной в те годы киноактрисы), они проговорили подряд три часа, так что телефонная трубка едва не задымилась. За окном стоял жгучий июльский зной, а Рита так прижимала эту горячую трубку к своей щеке, словно замерзала и хотела об нее отогреться... А спустя еще четыре свидания и бесчисленное множество телефонных разговоров, сконцентрировавшихся на протяжении всего одной недели, Маргарита Ганичева поставила мать перед фактом: она переезжает к Андрею Акулову. Да, чтобы с ним жить. Да, без регистрации. И не как последняя проститутка, а как любящая женщина. Да, потом она, может быть, тысячу раз об этом пожалеет, но сейчас она поступит именно так и никак иначе. Она отвечала матери в снисходительном тоне, точно ребенку, который своими глупенькими вопросами не в состоянии смутить взрослого, поступающего так, как должен поступить. И только последний вопрос вывел ее из себя:

– Ты смеешь говорить, что я его совсем не знаю? По-твоему, надо с человеком прожить десятки лет, чтобы считать, что его знаешь? И по-твоему, эти десятки лет – гарантия близости? Ха-ха-ха! Какой же ты, оказывается, непроницательный человек, мама! Да папа тебе изменял

все эти твои драгоценные десятки лет! Изменял до последней минуты, поэтому и с сердцем у него были большие перебои. И знаешь, я его ни в чем не обвиняю. Ты же его душила – своими пирожками и домашними щами, своей жалостью, этой своей безропотностью... Да ему поговорить с тобой было не о чем, ты же остановилась в своем развитии в семидесятых годах. Клуша!

И, отрезая себе пути к возвращению, Рита победно выволокла из двери клетчатый английский чемодан с набором основных своих вещей. Что там без нее делала мать в покинутой прихожей, ругалась или заливалась слезами, ее больше не интересовало. Для нее открывалось новое зрелище – вид на море чувств. Побережье было украшено двумя-тремя пальмами, но в основном представляло собой теплый песочек, на котором так приятно заниматься любовью... И Рита больше не колебалась.

Правда, уже в такси, которое она заранее вызвала (не тащиться же в новую жизнь с чемоданом в автобусе!), возникли отголоски других мыслей. На побережье, которое представилось Рите, сколько досягал взгляд, не произрастало ничего съедобного – да и что, спрашивается, способно вырасти на песке? Так, может, с пальмы изредка упадет кокосовый орех – но на двоих этого маловато, и зреют орехи медленно... Однако сомнения оказались напрасны. Андрей располагал отличной трехкомнатной квартирой на последнем этаже дома в довольно-таки элитном районе и отнюдь не выглядел, как человек, которому нечего есть и не во что одеться. Вопрос, откуда у него деньги, впрямую не ставился, но Андрей обронил как-то мимоходом, что у него собственный бизнес. Рита пришла в восторг: она экономист, она сможет ему помогать! Вдвоем, объединенными усилиями, они оставят с носом конкурентов.

Однако, как показали первые же дни их совместной жизни, Андрей не хотел от нее такой помощи.

– От женщины не требуется, чтобы у нее были экономикой мозги забиты, – откровенно высказался он. – Вообще, женщину любят не за мозги. Я вот, например, когда тебя увидел, знать не знал, что у тебя есть какой-то там диплом. Если бы и не было, для меня бы это роли не играло. Я не на твой диплом запал, а на тебя.

Рита была еще тогда настолько наивна, что приняла это своеобразное признание того, что любимый хотел бы видеть ее безмозглой, за комплимент.

Но если помощь в ведении дел Андрею не требовалась, Рита считала себя вправе переключиться на собственную фирму, о создании которой она мечтала давно: налаживать связи, собирать документы, подбирать сотрудников. Она одержима была желанием создать свое процветающее коммерческое дело, которое служило бы людям, а не выжимало из них соки... Но Андрею она ничего не рассказывала. Зачем? Он снова будет говорить, что женщину любят не за мозги, что, если Рита начнет уделять внимание фирме, ей некогда будет уделять внимание ему, Андрею, ну и все такое прочее, – Рита уже успела его изучить. Лучше она все сделает по-тихому и представит ему готовый результат. Тогда он убедится, что управляться со своими мозгами умеют не только мужчины. И поцелует ее, и признает в ней достойную подругу жизни.

Это еще раз доказывало, что Рита была очень, очень наивна.

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

– А по-моему, Саша, ты просто защищаешься.

Реплика жены за ужином, прервавшая тишину, вынудила Турецкого отвлечься от газеты и интенсивнее заработать челюстями, чтобы побыстрее прожевать кусок сосиски. Сказанное Ириной, как то часто бывало в последнее время, казалось загадочным, но Александр не хотел оставлять ее загадки без ответа. Ответ должен быть адекватным и мужским.

– Защищаюсь? Должно быть, ты права. Я всю жизнь вынужден быть настороже. Сама знаешь, скольким преступникам я перешел дорогу. И не одной только уголовной мелкой шушере, а добропорядочным с виду гражданам, уважаемым и богатым. Сколько из них на меня зуб точат? Вот то-то же. Так что ты права, защищаться никогда не помешает.

– Саша, ты напрасно делаешь вид, будто меня не понял. – Ирина сделала такое лицо, словно апельсиновый сок, которым она запивала свою порцию сосисок, растревожил ей большой зуб. – Все ты прекрасно понимаешь. Речь идет не о табельном оружии, которое ты, кстати, берешь с собой и в театр, и чуть ли не в постель. Речь идет о механизмах психологической защиты.

– Ага. Вот как. Ну правильно, этого следовало ожидать. Так от чего же я, по-твоему, защищаюсь и что на этот счет думает психология? – Александр Борисович попытался смягчить грубость улыбкой. Судя по лицу Ирины, улыбка ему не удалась.

– Понимаешь, Саша, тебе, конечно, пришлось многое пережить в своей взрослой жизни, но я всегда знала, что ты человек мужественный и ты с этим справишься...

Ошарашенный неожиданным комплиментом со стороны Ирины, которая в последнее время главным образом его критиковала, Турецкий не нашел ничего лучшего, как кивнуть.

– Угу. А что дальше?

– ...Но истинная причина беспокойства во взрослой жизни – это пережитые в детстве впечатления! – торжествуя закончила Ирина Генриховна.

«Так я и знал, что дело нечисто», – сожалеюще подумал Турецкий.

– Мне не надо тебе объяснять, что твои отношения с матерью и отчимом в свое время производили на тебя сильное и тягостное впечатление. И я думаю, они повлияли на всю твою последующую жизнь.

– А это тут при чем? – изумился Турецкий. – С матерью у меня были прекрасные отношения, да ты сама помнишь. С отчимом, допустим, хуже... ну, ты и тут сама все знаешь. Главное, что ты этим хочешь сказать?

– Саша, – игнорируя последнюю реплику, учительским тоном произнесла Ирина Генриховна, – неужели ты не замечаешь, как в последнее время стал раздражителен? Плохо спишь. И, главное, постоянно моешь руки!

– Ну, мать, на тебя не угодишь! А кто меня в наши, так сказать, былые дни не пускал за стол с немытыми руками? Не мою руки – плохо, мою – тоже плохо, так получается?

– Мыть руки ради гигиены необходимо, – еще более наставительно сказала Ирина. – Но обрати внимание, как ты их моешь? Ты же их моешь минут по пять, по десять! Ты же их скребешь!

– Вот уж не замечал, что по десять минут мою руки. В следующий раз засеку время, прежде чем идти в ванную... Но я все-таки не могу сообразить: какое отношение имеют мать и отчим покойные к тому, что я подолгу мою руки?

– Самое прямое. Долго моешь руки – значит, в тебе сидит боязнь заразиться какой-нибудь болезнью. Боязнь заразиться – это фобия, а фобия – это симптом невроза. А невроз закладывается еще в детстве, из-за отношений с родителями.

– Ох ты, мать честная! – Хорошо еще, хоть Александр Борисович успел дожевать кусок сосиски, а то непременно подавился бы. Оставляя себе время на раздумья, потянулся еще за одной, последней, но новая сосиска показалась ему невкусной, как туалетная бумага в целлофановой оболочке. Неужели его любимый микояновский мясокомбинат снова стал выпускать такую дрянь, как в позднесоветские времена? – Ну и чего ты от меня хочешь?

– Чтобы мы с тобой откровенно разговаривали – как раньше, только еще откровеннее. Чтобы ты мне рассказывал о своих затруднениях, обо всех своих ранних – и не только ранних – воспоминаниях, о своих страхах. Я не враг тебе, Саша, я хочу тебе помочь. И полагаю, у меня есть для этого необходимые предпосылки. За последнее время, так сложилось, я прочла много литературы. Я тебе не только жена, Саша, я...

– Ты – домашний Фрейд! – Вот уж чего Турецкому хотелось в последнюю очередь, так это делиться с женой воспоминаниями. Точнее, хотелось, но не всеми. Некоторые из воспоминаний могли привести к семейному скандалу. – По-моему, Иришка, тебе просто некуда девать свободное время. И музыка тебе поднадоела за столько лет, я могу понять... Так найди себе какое-нибудь хобби – филателию, скажем, или кружок макраме. Спокойное какое-нибудь занятие. Только, пожалуйста, подопытного кролика из меня не делай!

У Ирины дрогнули губы. Она резко встала, выдернула из-под носа мужа пустую тарелку с разводами горчицы и понесла ее к раковине. «Если такая нервная, самой подлечиться надо», – подумал Турецкий, но вслух не произнес: ему стало жаль жену. Даже если то, что он на ее счет думает, – правда, не стоит ее обижать. В конце концов, у всех у нас, современных людей, нервишки пошаливают. Недаром психологи распространились, как тараканы на грязной кухне...

– Ты просто не видишь во мне человека, – склонясь над раковиной, констатировала Ирина Генриховна. – Ты видишь во мне исключительно женщину. А по-твоему, высшее, на что способна женщина – это плетение макраме.

– Да нет же, Ириша, – примирительно буркнул Александр Борисович, – ты не так меня поняла. Но сама посуди, как это выглядит с моей точки зрения: приходишь домой после рабочего дня, голова как урна, в которую пихали всякую дрянь, пожрать... поесть спокойно хочется, а тут тебя психологией грузят. Ну вот я и вспылил.

– Я так и предполагала, – Ирина трагически воздела к потолку свежeweымытую тарелку, с которой стекала вода. – Ты избегаешь серьезных разговоров. Ты защищаешься от анализа своих проблем чем угодно – работой, усталостью, голодом... Но в следующий раз я заговорю с тобой об этом, когда не будешь голодным и усталым, и ты скажешь: «А зачем переливать из пустого в порожнее, если все хорошо?» Получается, что ты просто не хочешь со мной разговаривать на эту тему.

– Как же не хочу, еще как хочу! Кстати, давно собирался тебя как специалиста спросить: в чем разница между неврозом и психозом? Сколько раз натыкался на эти понятия, но почему-то так и не уяснил.

– Меняешь тему? Зубы заговариваешь?

– Ничего подобного. Честно, хочу разобраться.

– Ну... – Ирина помедлила – обрела спокойствие, становясь на твердую почву психиатрии. – Невротик, в сугубо медицинском смысле, нормален. Он полон страхов, которые нарушают его взаимодействие с окружающим миром, но при этом он ориентирован в месте, времени и собственной личности. Ну, выражаясь обычным языком, невротик, в отличие от больного с психозом, не считает себя Наполеоном и не воображает, что вместо больницы он находится на чужой планете, куда его доставили зеленые человечки на летающей тарелке. Если человек видит зеленых человечков, чертиков и тому подобное – это уже галлюцинации.

– А галлюцинации, как я догадываюсь, это совсем хана?

– Да, Саша. К сожалению, галлюцинации – это ничего хорошего.

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ. ОТКРОВЕНИЕ

– Докладывать о преступных фирмах, Сан Борисыч? – с весельем на грани фамильярности спросили чуть ли не в один голос Володя Поремский и Рюрик Елагин. В их неуместной, на посторонний взгляд, веселости не присутствовало ни грамма цинизма: Поремский и Елагин радовались не тому, что в нашем дорогом отечестве существуют преступные фирмы, занимающиеся скупкой земли, а тому, что изобличить и остановить этих ушлых умников поможет прокурорская проверка.

– Докладывайте, дети мои, докладывайте, – пригласил Александр Борисович с благоклонной улыбкой. С тех пор как Ирина увлеклась психологией, в домашней обстановке он себя чувствовал, как под свистом пуль на войне, зато работа представляла собой приятную отдушину. – Сколько их там у нас – преступных фирм?

– Фирм немало, преступления типичные, – отчеканил Поремский. – Но особо выдающиеся на этом фоне тоже имеются. У нас же, вы помните, организована группа по проверке заявлений граждан о скупке земельных паев по заниженной цене у крестьян, обанкротившихся сельхозпредприятий Московского региона. А регион, как известно, включает не только Москву и Московскую область. А еще и Тверскую, Белгородскую, Тульскую, Курскую, Рязанскую, Калужскую и другие области России...

– Помню, Володя. Знаю. Так и что же?

– А то, что во всех перечисленных областях засветилась крупная такая фирмища «Русский земельный фонд». Возглавляет ее, – Поремский заглянул в бумажку, – Акулов Андрей Васильевич. На «Русский земельный фонд» заявлений особенно много. Коллеги из облпрокуратур утверждают, что было еще больше, и постоянно подаются новые. Но, что интересно, забирают их тоже часто.

– Это стоит взять на карандаш. Почему забирают? Боятся?

– Акулов Андрей Васильевич, – перехватив инициативу у Поремского, предложил Елагин свой вариант ответа на вопрос, – человек, прямо скажем, небедный. В состоянии заплатить истцу еще до суда, чтобы снял претензии. А если не получается, в состоянии заплатить киллеру, после чего никаких претензий уже не возникает. Так, по крайней мере, поговаривают. Правда, доказательств нет...

– А откуда деньги у этого «небедного человека»?

– Это было бы и нам очень интересно знать. Акулов возник, как шишка на ровном месте. Из бедной семьи. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году судим за воровство: вытащил кошелек в магазине у покупателя. За отличное поведение быстро освобожден... Ну, это все, Сан Борисыч, дела давно минувших дней, преданья старины глубокой. Мы не знаем, откуда у него в начале девяностых взялись деньги и фирма. Зато нам точно известно, откуда у него такие деньжищи теперь.

– Ну и откуда?

– Тысячекратная прибыль от торговли землями в Московском регионе.

– Какая-какая?

– Вы не ослышались, Сан Борисыч, – Володя Поремский слегка паясничал, но то, о чем он говорил, было исполнено страшной серьезности. – Прибыль в этом бизнесе превышает вложенные средства в тысячу раз. А вы думаете, из-за чего так все на ушах стоит по поводу земель в Центральном регионе?

Турецкий задумался. В наши дни никакой иной легальный бизнес в России не приносит своим хозяевам прибыль, в тысячу раз превышающую вложенные в этот бизнес первоначальные денежные средства. Да и в мире, пожалуй, такого нигде нет. А вот нынешний российский бизнес, связанный с захватом и покупкой за бесценок земель, оказывается, приносит прибыль в

1000 раз больше первоначально вложенных денежных средств! Этот на первый взгляд легальный бизнес сравним только с нелегальным, преступным бизнесом: с торговлей наркотиками и оружием, с коррупцией в таможенной сфере, с проституцией и прочими организованными преступлениями.

Итак, как выясняется, подмосковная земля рождает новых олигархов?!

– «Подмосковье-агро» – тоже не слабая фирмочка. – Турецкий прислушался к Володиным рассуждениям. – Сейчас у нее столкновение с «Русским земельным фондом». Не знаю, правда, в чем корень проблемы...

– Выясни, Володя. Непременно выясни.

МАРГАРИТА ГАНИЧЕВА. СНОВА ВЗГЛЯД В ЮНОСТЬ

Воспоминания госпожи Ганичевой властно влекли ее в несчастную и такую счастливую молодость, полную деловых начинаний и любви, никак не совмещавшихся между собой...

На протяжении совместной жизни с Андреем Рите приходилось раздваиваться. Весь день она проявляла завидные чудеса активности, работая во имя благополучия будущей фирмы. В этом Андрей ей не препятствовал, потому что он уходил по своим важным делам, о которых не распространялся, в семь часов утра (к этому времени Рита успевала приготовить завтрак и привести в порядок кухню, чтобы ее любимый позавтракал в приятной обстановке, способствующей отделению желудочного сока, на чистой белой скатерти, пользуясь салфетками). День, как уже было сказано, находился целиком в распоряжении Маргариты. Зато часам к восьми вечера ей приходилось подсобиться: не только забросить все дела, связанные с частным предприятием, даже требовавшие немедленного разрешения, но и привести себя в совершенно другой вид. Внешний и внутренний. Из деловой женщины ей предстояло превратиться в универсальную домохозяйку и идеальную женщину, с точки зрения любого мужчины. Ту, которая служанка на кухне, королева в гостиной и шлюха в постели. Из этих трех ролей, которые пришлось спешно осваивать, Рите больше всего подходила та, что в постели: здесь ей даже не приходилось ничего менять, надо было просто следовать за своими чувствами, и если Андрей учил ее каким-то новым приемам удовлетворения чувств, ничего сложного в этом не было. Осваиваться на кухне оказалось труднее: Ритина мать была отличной кулинаркой, никого в семье не подпускавшей к плите, вследствие чего потолком кулинарных умений Риты оказалась пресловутая яичница. Но и здесь, обложившись рецептами и справочниками, удалось как-то выкрутиться. А самой сложной частью оказалось научиться прислуживать Андрею и его гостям, вместе с которыми он частенько заваливался домой. И главное здесь было в том, каковы эти Андреевы гости...

Они были своеобразные люди. Крайне своеобразные. В основном мужчины – женщин среди них Рита видела всего раза два, и то они производили впечатление запуганных, потерянных, нанятых на один вечер статисток, которым не светит титул примадонны. А мужчины – в них было что-то особенное, то, что, вопреки внешней несхожести, сближало их всех, как бы стригло под одну гребенку. Одни выглядели так, будто вперлись в московскую квартиру из какого-то дикого леса, другие, напротив, казались королями в изгнании; одни могли нагрубить Рите, другие отличались изысканными манерами, но было в них что-то... одно и то же... одно... В те времена Маргарите Николаевне не приходила на ум поговорка «одним миром мазаны». А зря. В попытках определить, чем они по-настоящему занимаются, она ухватилась бы за возможность побывать на одном из таких вечерних приемов: с ее-то экономическим образованием она могла бы многое для себя прояснить. Но Андрей был против. «Солнышко, Рита, зачем тебе слушать наши скучные деловые разговоры, в которых ты все равно ничего не поймешь?» Поэтому роль Риты сводилась к формальному «Подай – принеси», ну и к заключительной части, когда гости напивались и принимались вести себя недостойным образом. Даже короли в изгнании превращались иногда в пьяных биндюжников.

Наверное, Рита могла бы взбунтоваться, прогнать тех из них, которые не лучшим образом влияли на Андрея. Но дело в том, что тогда вместе с ними этот дом пришлось бы покинуть и ей: Андрей не стерпел бы такого самоуправства. «Твой Геныч положил мне руку на талию!» – сперва возмущалась Рита, но, получив от Андрея хладнокровное: «Если даже не на талию, а ниже, ты должна терпеть и не чирикать», – пришла к закономерному выводу, что гости для него важнее, чем она.

Что ж, надо смириться. Она на самом деле любила этого человека. И, как всякая женщина, мечтала о том, чтобы у них получилась настоящая семья. Возникновение этой «настоящей семьи» (так же, как изгнание невыносимых гостей) связывалось в ее сознании с основанием собственной фирмы, которая будет приносить стабильный доход и откроет большое поле деятельности – для Риты и для Андрея. Для оптимизма имелись все основания: фирма, как спущенный на воду корабль, вырुливала уже в воды отечественного бизнеса, но Рита все еще выжидала, боялась признаться Андрею в том, что она его обманула – против его воли продолжала заниматься делами, тогда как он ждал от нее совсем другого.

Женщина в его понимании должна лишь служить мужчине, обслуживать его, выполнять все его прихоти и желания. Теперь Рита ясно убедилась в том, во что раньше не хотела поверить. Ее Андрейка, ее несравненный капитан Дрейк, ее соблазнительный Дри-Дри многократно доказывал ей свою правоту в вопросе о роли женщины: и на словах, и – когда аргументы кончались – кулаками. Да, Рита никогда не поверила бы, если бы ей сказали, что она когда-нибудь станет терпеть побои от мужчины. Но это было так. Обнаружилось, что молодой человек, которому она доверяла – и которому, что обиднее, она доверилась! – агрессивен, озлоблен, brutalен и не терпит иного мнения.

В сущности, ей следовало уйти от него уже тогда, когда он в первый раз начал ее избивать – не просто залепил пощечину, что можно было бы объяснить несдержанным взрывом чувства, а опрокинул на пол и принялся наносить точно рассчитанные болевые удары, словно врагу. Но за тем эпизодом последовало бурное примирение: Андрей на коленях умолял его простить, целовал руки, и она простила. А когда избиение повторилось во второй раз, они оба как будто бы уже привыкли... Нет ничего ужаснее вещей, к которым привыкаешь.

«Фирма, – повторяла Рита, как заклинание. – Фирма, фирма, фирма! Когда экономически все устроится, у нас с Андреем все будет по-другому. Он бьет меня потому, что срывает на мне злость, которую копит в процессе бизнеса. Неудивительно: это же для него трагедия – иметь дело с таким сортом людей, как наши гости! Когда я налажу дела в фирме, все будет по-другому...»

Это был третий вид проявления Ритиной наивности. И последний. Далее жизнь с присущей ей хирургической грубостью все расставила на свои места.

Началось все с полоски бумаги... Нет, началось все с Ритиных подозрений, что ей слишком долго уже не приходилось отпрашиваться в аптеку за одной из разновидностей предметов женской гигиены, которые как раз тогда активно рекламировались по телевидению (и в газетах активно обсуждали, разврат это или нет). Не то чтобы Рита так уж бдительно следила за своими месячными, но такое долгое их отсутствие она смогла заметить, даже разрываясь меж двух половин своей жизни, в одной из которых она была бизнес-леди, в другой – домохозяйкой. Поэтому в аптеку она все-таки наведлась – но не за прокладками (в этом отвратительном слове Маргарите Николаевне всегда чудилось нечто сантехническое, представляющее ее самое в виде прохудившейся трубы), а за двумя мудреными полосками в коробочке, на которой было написано «экспресс-тест». Первую она загубила, не разобравшись в инструкции, зато со второй справилась на «отлично». И полоска показала... То, что должна была показать.

Иными словами, подтвердила худшие подозрения Риты. Или следует сказать «лучшие подозрения»? Только бывают ли подозрения – лучшими?

Во всяком случае, тогда, в туалете большой трехкомнатной квартиры на проспекте Мира, остолбенев с баночкой собственной мочи в одной руке и с бумажной полоской в другой, Рита меньше всего думала о радостях материнства. И даже вопрос: «Как с этим быть?» – не стоял на повестке дня. Она уже знала, что от этого ребенка – ребенка Андрея – она не избавится. Мысль, которую она наиболее четко сформулировала, выглядела следующим образом: «Нужно ли говорить об этом Андрею?»

Логичная по форме – Рита настолько привыкла раздваиваться между домохозяйкой и бизнес-леди, что забывала порой, где же истинная она, – мысль при этом была абсолютно безумной по содержанию. Еще два, ну, три месяца, и скрыть увеличение живота от Андрея не удастся. А дальше? Нет, единственный выход – сказать все сразу и сейчас. Андрей, скорее всего, будет недоволен, он не любит возникновения новых проблем, но потом, наверное, обрадуется. Особенно если получится мальчик. Но надо же его подготовить... А как подготовить? И Рита выбрала способ, оказавшийся наихудшим. Она, применив узкопрактическое здравомыслие, сообразила, что у нее накопились для Андрея две новости. Одна крупная – ребенок, другая помельче – фирма. Лучше начать с той, которая помельче.

Андрей слегка удивился, когда, придя с работы (или из того места, которое он называл работой), застал дома богато накрытый стол и Риту, накрашенную по гостевому варианту.

– Я не говорил тебе, что приду с друзьями, ты перепутала, – сообщил он, рассеянно поцеловав Риту в щеку. Целовать измазанные помадой губы он терпеть не мог, даже запрещал ей пользоваться косметикой, когда предстояло остаться наедине.

– Я ничего не перепутала, – с достоинством ответила Рита. Сейчас она чувствовала себя очень сильной – сильной за двоих. – Нам надо с тобой поговорить, Андрюша.

– О чем, любимая? Хочешь получить еще денег на ведение хозяйства? Пожалуйста, дам, сколько тебе надо. Ни в чем себе не отказывай, купи красивое платье или, я не знаю, что там вам еще, женщинам, надо, сережки-висюльки какие-нибудь...

Рита отвела его руку, в которой он сжимал пучок стодолларовых купюр.

– Не надо, Андрейка. Ты у меня самый щедрый, я знаю. Но нам уже не надо ограничивать себя. У нас достаточно денег не только на висюльки, но и на новую иномарку.

– Ты о чем? – насупился Андрей.

Рита, не замечая его сдвинутых бровей, переполненная только своим внутренним настроением, в котором преобладал восторг, начала торопливо излагать историю своей фирмы, сколько сил она в нее вложила, и то, что фирма начала уже приносить доход... Андрей не дослушал.

– С кем ты спала ради этого? – грубо спросил он. Под кожей его лица перекачивались желваки, под рубашкой – бицепсы.

– Андрей, о чем ты говоришь? – возмутилась Рита. – Ты во мне сомневаешься?

– Я знаю, о чем я говорю! Чтобы женщина пробилась в бизнесе головой, а не сладким местом, – такого я еще не встречал. А ну, рассказывай! Быстро! Когда, сколько и с кем?

Рита по-прежнему не понимала, в какую угодила ситуацию. Перед ней был человек, которого она любила, и она пребывала во власти иллюзии, что если ему хорошенько все объяснить, то он все поймет, обрадуется ее радостью, и все недоразумения разрешатся, точно по волшебству.

– Ничего подобного не было! – Она повысила голос: во-первых, потому, что ее возмутило предположение относительно неверности, во-вторых, чтобы перекрыть голос Андрея, все еще выкрикивавшего обвинения. – Если совсем честно, у меня есть кое-какие доверенные люди, знакомые отца, которые объяснили мне, что к чему, помогли с документами... Но это не то, что ты подумал!

– Где эти документы? – неожиданно тихо и злобно спросил Андрей. Переход от крика к тихому звенящему шепоту был зловещим – до того, что у Риты сердце провалилось в пятки, скользнув мимо смиренно ждущего своего часа эмбриона. В голосе Андрея звучала не злость, а именно злоба – неутолимая, как будто Рита не была ее объектом, а случайно подвернулась под руку. Тем страшнее было слушать этот шепот!

– Документы на фирму? – храбрясь, улыбнулась Рита. – Зачем тебе?

– Хочу посмотреть, кто спал с моей девушкой.

– Андрюнька, ну я же тебе сказала...

Тогда он ударил ее. Не раньше и не позже. Выбрал момент, когда она, по своей привычке, чтобы уменьшить нервное напряжение, принялась вертеть в руке бокал на высокой ножке. Бокал взорвался, разлетевшись о ее грудь. Но осколки, игольчато взрезавшие кожу, – это было еще не самое худшее. Состоялось одно из расчетливых Андреевых избиений, к которым Рита пыталась приспособиться – и не сумела. Пыталась научиться во время них терять сознание, чтобы, по крайней мере, легче переносить боль – и не сумела тоже. Если избавиться от боли не получалось, следовало сделать ее минимальной, а для этого – ни в коем случае не сопротивляться: сопротивление пробуждало в Андрее зверя, маньяка, убийцу... Так и во время этого сеанса демонстрации силы она постаралась вести себя по линии наименьшего сопротивления: упала на пол и скорчилась, защищая лицо и живот. Живот удалось спасти. А вот нос, по которому пришелся удар, ответил ручьями крови. Вот уж не подумала бы, что нос может лопнуть, как спелый помидор! А хруст выворачиваемой руки она слышала как бы со стороны, по радио, и успела еще подумать: «Наверное, кость сломал», – прежде чем вспыхнула боль, все вокруг себя озарив электрической ясностью...

Избив ее, Андрей убежал из квартиры, закрыв ее на все замки, наверное, для того, чтобы она не выбралась. Но Рита давно сделала себе дополнительные ключи и, открыв дверь, сумела выползти на лестничную площадку. К соседям обращаться она не захотела: насколько она успела понять, соседи относились к Андрею и его гостям недоброжелательно. Можно себе вообразить, как они отнесутся к его девушке, к тому же окровавленной, еле держащейся на ногах! «Надо идти на улицу, к обычным прохожим. Они тебе помогут», – сказала себе Рита и, пошатываясь, держась за перила, на которых оставался кровавый след, принялась спускаться по широоченной лестнице, кропя ее алыми густеющими каплями из носа.

В больнице, куда Риту отвезли на «скорой помощи», к избитой девушке отнесли не слишком сочувственно: хорошо и богато одета, а морда в крови и рука сломана, – это чем же таким она занималась, позвольте вас спросить? Рита стойко придерживалась версии, что ее избили неизвестные на улице, где она ждала своего знакомого, почти жениха. С этой версии не смог ее стронуть даже милиционер, который ходил к ней первые три дня и уговаривал написать заявление против истинного виновника трагедии.

– Послушайте, милая моя, прекратите морочить мне голову! – устало твердил милиционер. На этого жирного неопрятного дядьку в форме под белым халатом Рита из-за белой занавеси своих повязок выглядывала с недоверием. – Как будто мне не ясно, что это типичное семейное насилие. Знаете, сколько я их перевидал? У-у-у! И хотите хороший совет?

– Мне непонятно, о чем вы говорите, – стояла на своем Рита Ганичева.

– Ага, не хотите, значит, ничьих советов. Думаете, вы на свете самая умная, остальные лаптем щи хлебают. Пожалуйста, думайте на здоровье, но совет я вам все-таки дам. Не зря восемнадцатый год в милиции работаю. Не жалеете вы этого вашего красавца...

– Никого я не жалею! – выкрикнула Рита, невольно приложив правую, незагипсованную, руку к лицу: при слове «красавец» все раны заныли с новой силой.

– А вот это зря. Себя вам, милая, пожалуй, необходимо: если вы собираетесь жить с этим человеком дальше, значит, передайте вашим друзьям и родственникам, пусть собирают вам на венок. А если вы не самоубийца и решитесь все-таки его бросить, от всей души советую пожалеть ту несчастную, которая подвернется вашему красавчику после вас. Я знаю, о чем говорю: такие люди не останавливаются. Они измываются над жертвами до тех пор, пока не доходят до убийства. Частенько, если жертва от них ускользает, они впадают в раж и уже намеренно ищут способ осуществить над ней смертный приговор. В ваших интересах, чтобы этот молодец попал на скамью подсудимых.

Рите был противен этот милиционер, его рыхлые сизоватые щеки, его трясущийся живот, пятна пота, которые проступали на его милицейской форме под накинутым поверх нее белым халатом. Но, отрешившись от его неприятного вида, доводы милицейские она крепко обду-

мала, ворочаясь под больничным одеялом, пахнувшим гноем и мочой. Что бы ни говорил Андрей насчет женских способностей зарабатывать деньги головой, логическое мышление Рите Ганичевой было присуще в полной мере. И сейчас, когда ее голову не кружил любовный дурман, улетучившийся где-то посередине забрызганной ее кровью лестницы, вот что предложила логика.

Во-первых, к Андрею она не вернется. Даже для того, чтобы забрать вещи. Она не самоубийца и становиться ею не собирается. Лучше, чтобы Андрей вообще ничего больше о ней не знал.

Во-вторых, фирма ее растет и развивается, а это главное. Полгода ее существования ясно доказывали, что ей суждено надежное будущее. Рита докажет Андрею... нет-нет, ведь она собиралась никогда больше не видаться с Андреем... она докажет себе, что женщина способна заниматься бизнесом не хуже мужчин. А то и лучше.

В-третьих, что делать с ребенком, который, уцелев от избиения, продолжал расти где-то в темной, самой Рите неведомой глубине таинственного внутреннего органа? Логика подсказывала, что лучшим выходом из ситуации был бы аборт. Но вот здесь-то Рита восстала против собственного вывода. Помимо логики, существует еще что-то, и это что-то называется женской натурой. Все-таки она любила Андрея (лучше так, в прошедшем времени), им нравилось заниматься любовью, они переживали мгновения обоюдной страсти, а от этого получаются хорошие красивые дети. У нее будет именно такой ребенок. Ради этого ребенка Рита костыми ляжет, а добьется, чтобы фирма приносила стабильный доход. Она даст своему ребенку все, что может, а он будет ее крепко-крепко любить, потому что какое же дитя не любит свою маму?

О собственной маме, однако, Рита не могла вспоминать без скрежета зубного. Опять начнется воспитательный нудеж на тему: «Ты меня не послушалась, а я, как всегда, была права...» Несмотря на все это, обстоятельства заставляли засунуть гордость в... в самый дальний карман и возвратиться в покинутый с такой фанаберией отчий дом – со сломанным носом (спасибо хирургам, отломки сопоставили безукоризненно) и без вещей (английского чемодана клетчатого жалко, который отец из-за границы привез, ну и колечка с бриллиантом, Андреева подарка, да уж черт с ним со всем). Рита держалась напряженно. Но мать повела себя лучше, чем она ожидала: не попрекнула блудную дочь безрассудством, не припомнила брошенного напоследок оскорбления, а обняла свою возвращенную девочку и с облегчением всхлипнула, приговаривая: «Все будет хорошо, Ритонька, все будет хорошо». Всплакнула и Рита, чувствуя, как блаженно отмякает что-то внутри, будто, намерзнувшись в зимнем лесу, она вдруг погрузилась в горячую ванну. Тому, кто сидел у нее в животе, пока еще плоском, она чувствовала, тоже стало хорошо. Впервые за время, прошедшее с избиения, у Риты возникла уверенность, что втроем они все преодолеют и со всем справятся...

Мать-атаманша компании «Подмосковье-агро», хищная Щучка, хитрая и безжалостная Маргарита Николаевна Ганичева вспоминала ту юную и наивную Риту с некоторым раздражением. Если бы она не была в свое время такой дурой и не вляпалась в эту любовную связь с человеком, который теперь встал ей поперек пути, все было бы проще... Или труднее? Может быть, то, что они когда-то были близки, сегодня поможет ей разругать сложную ситуацию в бизнесе?

Маргарита Николаевна вздохнула. Напрасные надежды! Сегодня она уже не имеет права на наивность. Давняя любовь, совместные воспоминания – все эти ухищрения могли бы растрогать кого угодно, только не Андрея. В том, что касается бизнеса, он был и, судя по всему, остался зверем. И не только в том, что касается бизнеса. Рентгеновский снимок Маргариты Николаевны до сих пор свидетельствовал об этом достаточно красноречиво.

А если возникнет новое любовное приключение, пикантное обострение давно угаснувших чувств? В конце концов, не так уж она плоха: слегка располнела, что правда, то правда, зато регулярно посещает косметолога, следит за волосами и ногтями, на лице – ни морщинки...

Для женского самолюбия Маргариты Николаевны был бы лестным такой вариант. Однако умение просчитывать варианты, столь часто выручавшее ее, подсказывало, что эта линия нападения – проигрышная, рассчитывать на нее не следует, чтобы не унижить себя.

Остался у нее и еще один козырь – незадействованный. Тот, который она в том незабываемо жарком месяце унесла в животе от Андрея, так и не сказав любимому, что он – отец... Но логика просчета вариантов трезво выдала, что, если бы Андрей тогда и знал о будущем ребенке, это не удержало бы его от побоев. И если он до сих пор не обзавелся детьми, значит, он в них ничуть не нуждается.

Но тем не менее попробовать стоило. А вдруг?

АЛЕКСАНДР ТУРЕЦКИЙ И СТРАННАЯ ПАРА. ПЕРВОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ

В первый раз Турецкий увидел их на выезде из двора здания Генпрокуратуры. Точнее, тогда он не называл их этим многозначительным словом «они» и уж подавно понятия не имел, что «они» сыграют важную роль в недавно открывшемся этапе его жизни. Садясь в машину, он думал о запутанных подмосковных тяжбах, а еще о том, что солнце светит совсем по-весеннему, но не греет ни хрена, а значит, зима, как и в прошлом году, затягивается. Определенно погода сошла с ума! Но глаза его при этом оставались глазами следователя, то есть машинально подмечали и фотографировали все вокруг: ряд заползающих на тротуар автомобилей, старушку, которая, покачнувшись на льду, едва не потеряла целлофановый пакет с изображением тигра и надписью «Animal Friend» (тигр – друг человека, что-то в этом роде)... И – их. Эту парочку – потому что очевидно было, что этих людей свела вместе не случайность, а необходимость... Личная? Или профессиональная? Об этом Турецкий поразмыслит на досуге. Позже. А сейчас он про себя отметит, что, вопреки современному прикиду, в парочке есть что-то явно устарелое, в стиле ретро, словно они сбежали со страниц журнала «Советский экран». Может быть, это ощущение порождали тонкие, тщательно подбритые параллельно губам усики мужчины? Он был брюнетом, с гладко зачесанными на косой пробор глянцевыми волосами; глаза узковатые, нижние веки – неприятно набухшие, словно под них вставлены желтовато-белесые валики. Одет в длиннополое черное пальто, шея обвязана пижонским белейшим шарфом, кисти на концах которого выглядывают где-то на уровне колен. Перчатки, брюки, теплые ботинки – все черное, щегольское. Также элегантно выглядела его подруга – блондинка, к которой первым делом привлекал внимание узел светлых волос на ее затылке, над самой шеей. Помнится, во времена молодости Александра Борисовича такие узлы женщины сооружали, прикрепляя под волосы консервную банку, и он невольно задался вопросом, насколько продвинулась технология подобных причесок с пятидесятых – шестидесятых годов – данный узел размерами скорее соответствовал пластмассовым коробкам, в которых продают компьютерные диски. Коричневая дубленка до пят со светлой меховой оторочкой обрисовывала все изгибы высокой тонкой фигуры. На ногах – остроносые сапожки с узорами. Мгновенно, с отработанной долгими годами пристальностью, Турецкий вобрал в себя все подробности внешности этой парочки, чтобы в следующую минуту выбросить ее из головы. Требовалось следить за дорогой: тучи машин в центре столицы не позволяли расслабиться.

Немало у Александра Борисовича было и других поводов поразмыслить. Некоторое время назад он докладывал Косте Меркулову о небезынтересном досье, которое собиралось у его группы против «Русского земельного фонда». А сегодня Костя заговорил об этом сам. И как заговорил!

– Саша, у тебя есть доказательства криминальной деятельности «Русского земельного фонда» и других?

– Прямых? Пока не получил. Так, наметки... А что, Костя, они появились у тебя?

Константин Дмитриевич вздохнул. Очень немолодой человек. Очень опытный. И очень, очень усталый.

– Мафия – это сращение криминальных и властных структур, – изрек он, словно бы и не обращаясь к Турецкому, пристально глядя перед собой в пустоту. – И властных! – повторил он, поднимая указательный палец, точно восклицательный знак. – Не хочу тебя пугать, Саша, но я ощущаю на себе давление, вызванное твоей прокурорской проверкой. Колоссальные деньги лежат в земле Московского региона, и кому-то очень не хочется, чтобы ими пользовались честно... Как твой друг, я обязан тебя об этом предупредить. Как твой начальник, я

заинтересован, чтобы твоя бригада работала с полной интенсивностью. Эти ушлые земельные олигархи не уймутся, пока мы их не остановим.

– А что же «Русский земельный фонд»?

– Да... так что же «Русский земельный фонд»?.. Один из многих. Но я доверяю твоему чутью. Боюсь, первые признаки давления я обнаружил, когда ты доложил мне о деятельности этого фонда. Если это так, Андрея Акулова следует разоблачить как можно скорее.

Турецкий не сказал Косте Меркулову, что с «Русским земельным фондом» связано еще некое негладкое обстоятельство, которое непонятно как трактовать. В своем противостоянии с фирмой «Подмосковье-агро» как раз Акулов во всеуслышание заявил, что его травят, на него оказывают давление. В доказательство этого Акулов привел тот факт, что его адвокат Елизавета Карева бесследно исчезла накануне очередного слушания дела в Арбитражном суде. Надо выяснить: исчезла адвокат Карева или нет, а если и впрямь исчезла, то что с ней случилось? А то как-то сомнительно выходит, словно в старом анекдоте: то ли он украл, то ли у него украли, но в любом случае репутация подорвана...

Обо всем этом и думал Александр Борисович за рулем своей машины. А вот о своеобразной ретропарочке, мелькнувшей перед его глазами, совсем не думал.

АНДРЕЙ АКУЛОВ. ОРИГИНАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СТЕРВ

Насколько же все-таки отличаются друг от друга мужчина и женщина! В самом деле, поверишь досужим журналистам, которые пишут, что существа эти – с разных планет... У Маргариты Николаевны Ганичевой, едва она услышала имя Андрея Акулова, сердце рухнуло куда-то вниз, блаженно, страдальчески и обмирающе. Что же касается виновника этих давних, но незабываемых девических переживаний, он едва мог вспомнить, перебрав длинный список своих кратко- и долговременных подруг, кто такая Маргарита Ганичева. А когда наконец вспомнил, скептически хмыкнул: а, Рита, с которой он жил на проспекте Мира возле ВДНХ! Следовало ожидать, что с возрастом из нее образуется первоклассная стерва: она и тогда, даже уверяя, что любит, что дышать без него не может, проявляла задатки стервозности. Но, в общем, это не тот противник, которого нужно принимать во внимание. Тогда он с ней справился, едва она посмела сесть ему на голову, справится и теперь. В том, что основная цель Риты Ганичевой заключалась в том, чтобы сесть ему на голову, он не сомневался: а чего же еще эти женщины хотят от мужчин? Все разговоры о любви, о верности – всего лишь изощренное средство, чтобы привязать мужчину к себе. Зачем им это? Все затем же, чтобы заставить мужчину на себя работать и обеспечивать свои прихоти. Они же все страшно ленивые и корыстные. А если работают, то только для того, чтобы показать, какие они незаменимые, как у них благополучно продвигается карьера, чтобы опять-таки взять над мужчиной верх. Потому что их главное желание – власть над мужчиной. Исподволь или грубо, мытьем или катаньем, но сделать так, чтобы она была в доме царицей, а мужчина вилял перед ней хвостом и приносил в зубах зарплату и домашние тапочки. Врут те, кто говорят, что семья – место отдыха: семья – это поле боя! Зазеваешься – башку на хрен оторвут. Поэтому надо не зевать, постоянно держать ухо востро, своевременно окапываться и обзаводиться бронезищотом. Ну а если уж средства обороны не помогают, приходится ввязываться в ближний бой... Этим премудростям Андрея научил отец, Василий Савельевич. Не словами – этот кряжистый рабочий, перебравшийся в столицу из сибирского Красноуфимска, не был спор на слова, – а исключительно собственным примером. Тем, как он держал в кулаке женщин – мать Андрюши и его старших сестер. Постоянная ровная строгость – вот был его принцип. Члены семьи занимали свои раз и навсегда отведенные им места – сидели на этих местах, точно дрессированные тигры на цирковых тумбочках или, лучше сказать, тигры в клетках. Пока ты в клетке и смирно себя ведешь, тебя никто не трогает, ты имеешь право на бесплатное питание. Если беспокоен, бьешь себя по бокам хвостом, грызешь прутья или, того хуже, пытаешься подцепить лапой защелку, на которую заперта снаружи дверь клетки, – лишаешься питания. В самых тяжелых случаях получаешь по морде. Андрей Акулов неоднократно наблюдал, что отцы его однокашников и взрослые соседи по рабочему общежитию – клоаке, пропитанной запахами неисправной канализации и нездоровой кухни, завешанной стираным-перестиранным тряпьем – дерутся, когда пьяные. Это лишало их права на мужественность в его глазах. Отец, Василий Савельевич, если выпивал рюмочку с устатку, рук не распускал: настоящие мужчины пьют для удовольствия, а не затем, чтобы демонстрировать дурацкую, как у петухов, боевитость. Свои показательные возмездия осуществлял всегда в трезвом виде, отдавая себе, так сказать, полный отчет. Дурищи эти, сестры Андрюшкины, после того, как натворят чего-нибудь, прятали синяки под длинными рукавами кофты, наглухо застегивали верхние пуговицы. А мамашу два раза отвозили в больницу. Но она на Василия Савельевича не жаловалась. Нет, не жаловалась. А на что жаловаться? Ну, поучил супруг уму-разуму, разве же это повод, чтобы вмешивать милицию в семейную жизнь! Мамаша семейную жизнь понимала правильно, в отличие от тех

прошмандовок, которые чуть что – в партком. Правда, и стерва была порядочная. Всякая женщина – стерва. Учи ее, учи, даже к старости не выучишь.

Эта Рита на него тоже не нажаловалась. Ну да он и не боялся. Время было уже не такое, чтоб бояться. А если бы нажаловалась, себе хуже сделала бы. Андрюша в то время уже водился с серьезными людьми, такими, у которых милиция сидела в кулаке и не чирикала. Иначе откуда бы у паренька с рабочей окраины взялась трехкомнатная квартира в отличном доме? Разве квартиры, машины и «бабули» раздают за красивые глаза? Глаза у Андрея всегда были красивые, что верно, то верно. Наградили родители. Но в придачу наградили еще сообразительностью, позволявшей просекать фишку, где привольнее бегать и где больше мяса. Молодой тигр вырвался из клетки, вопреки защелкам и хлыстам. Не захотел, вроде Василия Савельевича, за гроши горбатиться. Не то время... Время наступало – для него. Для таких, как он. Молодого тигра подобрали, пригрели, рассчитывая на его когти и зубы. Оказалось, получили больше, чем рассчитывали: у тигра была еще и отличная голова. В совокупности это образовывало гремучую смесь, перед которой склонялся криминальный бизнес. Акаким он еще в те годы мог быть? Андрей отлично овладел приемами экономического давления. А внеэкономическому давлению его и учить не пришлось – сказывалась школа Василия Савельевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.